

Виталий Иванов

ОХРАНИТЕЛЬ!

европа

Виталий Вячеславович Иванов Охранитель!

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3004575
Охранитель: Европа; М.: 2007
ISBN 978-5-9739-115-8

Аннотация

В книге собраны публицистические и экспертные статьи Виталия Иванова, написанные в 2005–2007 годах. Автор определяет себя как охранителя и антиреволюционера, то есть последовательного сторонника власти и приверженца правых взглядов, враждебного одновременно левачеству и либерализму. Нисколько не скрывая своей ангажированности, напротив, всячески ее подчеркивая, он разбирает базовые политологические понятия (суверенитет, демократия, нация и пр.), анализирует идеологические опыты представителей власти, критически деконструирует тексты российских оппозиционеров (Илларионова, Белковского, Рогозина, Рыжкова) и зарубежных критиков Кремля. Ряд статей посвящен истории и современному состоянию российской партийной системы, отношениям Центра и регионов, избирательным кампаниям последних двух лет. В преддверии федеральных выборов актуальность книги не вызывает сомнений.

Для политиков, ученых, преподавателей, студентов, всех интересующихся современной политикой.

Содержание

Предисловие	5
От охранителя	7
Глава I	9
СУВЕРЕНИТЕТ КАК ПРЕТЕНЗИЯ	10
1	10
2	10
3	12
МНОГОЗНАЧИТЕЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ	13
1	13
2	14
3	15
4	16
ДРУГАЯ ЕВРОПА	18
1	18
2	18
3	19
4	21
ИМПЕРИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ	23
1	23
2	24
3	25
4	28
5	29
ТЕЗИСЫ О ПРАВЫХ	31
1	31
2	31
3	32
4	32
5	33
6	34
7	34
8	35
9	36
К ЮБИЛЕЮ НАЦИОНАЛЬНОГО ПОЗОРА	38
Глава II	42
КРЕМЛЕВСКАЯ ДОКТРИНА	43
1	43
2	45
3	46
4	47
5	48
6	49
7	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Виталий Иванов Охранитель

Предисловие

Эта книга о том, как сохранить Россию, как не допустить победы внутреннего врага, – давайте назовем вещи своими словами – предателя. Это книга об элементарной идеологической гигиене, которая позволяет государственному организму если не болеть, то по крайней мере не умереть от заразы. Это книга об «охранительстве».

Отдельные наши оппоненты искренне полагают, что «охранительство» – выдумка Путина и что охранители, с приходом в 2008 году на пост президента нового человека, исчезнут, как дым. Ошибаются! Охранители – они же государственники – тем и хороши, что, появившись раз, с политической сцены могут быть убраны лишь силовым путем. Это антитела государственного организма, защищающие его от болезней. Уберите антитела из организма – и достаточно будет малейшей простуды, чтобы свалить гиганта. Так что «эпоха охранительства» может окончиться только вместе с Россией.

Само понятие «охранительство» наша вечно оппозиционная интеллигенция постаралась сделать не просто враждебным, даже неприличным. Та же публика – разъедавшая и обрушившая страну сто лет назад, ничему не научившись, пытается сделать то же самое вновь. Сюжет, собственно, описан дедушкой Крыловым (типичным, кстати, охранителем), называется «Свинья под Дубом». Именно для защиты государственного Дуба от таких вот свиней и нужны «охранители». Потому как альтернативой «охранителю» является «вредитель».

Вообще сочинять некое предисловие к книге Иванова крайне затруднительно: пересказывать то, что уже изложено, нет смысла. Это тот редкий случай, когда позиции совпадают почти полностью, иногда вплоть до лексики. Поэтому единственное, что остается, это остановиться на этих «почти».

Автор разделяет прежнюю «соревновательную олигархию» и нынешнюю, которую называет «консенсусной», объясняя, вполне адекватно, почему прежняя «соревновательная олигархия» не совместима с жизнью. На самом деле олигархия это и есть власть. Ни в какой другой власти олигархи не нуждаются. Главной чертой олигархии является слабое, точнее, «вырожденное» государство, где формальный правитель существует только постольку, поскольку позволяют олигархи. Это не терминологический нюанс, это вечные российские качели: олигархические элиты, узурпирующие власть и доводящие страну до катастрофы, и сильная власть, обращающаяся к народу через голову элит для спасения страны. Это «привычная травма» российская – измена элиты. И всегда – обращение «олигархов» к внешнему врагу, чтобы он защитил ее привилегии от дикого народонаселения. Нынешняя власть и формируемая ею новая элита, как бы к ней ни относиться, по этому признаку олигархией не является. «Олигархов» в смысле настоящей полноты власти у нас нет, и завестись они могут только на трупе России.

Весь разговор о суверенной демократии не имеет смысла, если не обеспечены предпосылки суверенитета, то есть достаточная степень могущества экономического и политического, чтобы противостоять внешнему диктату. Это, собственно, хорошо понимает автор. И в связи с этим формулирует различия между «империей» и «державой». Мол, если империя всегда стремится к экспансии, то держава может обладать достаточным могуществом, не становясь империей. На самом деле империи (и современные империи, и исторические) отнюдь не всегда стремились к экспансии. Например, Китай – Поднебесная империя – за определенными рамками всегда тяготел к жесткому изоляционизму.

Империя – это не экспансия сама по себе, а в первую очередь – осознание некоей миссии: духовной, религиозной, цивилизационной. Где экспансия не является имманентным признаком, а определяется характером, пониманием этой самой миссии. Поэтому слово

«империя», если кого-то оно почему-то коробит, скорее можно было бы заменить «цивилизацией», чем «державой», поскольку здесь важен наднациональный – ценностный аспект.

Возникает ощущение, что эта самая отдельная «держава» понадобилась для того, чтобы как-то оправдать «огрызочность» нынешней российской империи. Понятие имперской идентичности как противовес «национально-этнической» или «гражданско-общечеловеческой» позволило бы избежать некоторой вязкости, когда речь заходит о так называемом русском вопросе.

Банальные стенания об отсутствии «русской нации», на мой взгляд, – издержки универсализма, попытки сформулировать национально-государственные понятия в неких единых «общечеловеческих ценностях». Таких форм на самом деле нет. И не только для России и русских.

Заимствование форм политической организации очень мало связано с заимствованием содержания. Например, японский послевоенный парламентаризм, по форме сильно смахивающий на британский, по содержанию гораздо ближе к сменяющим друг друга тайландским военным диктатурам, чем к британскому образцу.

Что касается собственно России и русских, то русские – это всего-навсего имперскообразующий народ. Это этнос, который не может существовать вне более широкой имперской общности. Вопрос достройки нации, более или менее подогнанной под западную политологическую терминологию, – это вопрос достройки империи. Такой империи (или «цивилизации»), где вечный спор «российский или русский» будет лишен всякого смысла, поскольку внутри и так все всем понятно, а что думают «снаружи», не имеет никакого значения. К тому же содержание спора не переводимо на «снаружные» языки.

Собственно, единственное, в чем не соглашусь с автором, – в чрезмерном старании дистанцироваться от неpolitкорректных понятий. Как и от самой нынешней кремлевской власти. Такой подход несколько ограничивает воображение в области возможных вариантов развития как собственно российского государства, так и текущего политического процесса. Тем более что именно в силу «суверенного» характера нынешнего российского режима влияние внешних факторов на выбор таких вариантов прямо пропорционально попыткам нам эти «варианты» навязать извне. А так все абсолютно верно. Можно сказать – катехизис охранительства. Очень полезное чтение.

Михаил Леонтьев

От охранителя

Принято считать, что охранитель – это тот, кто последовательно выступает публичным сторонником и защитником действующей власти, существующего общественно-политического строя и сложившегося порядка вещей. В общем это верное определение. Но оно охватывает не только идейных («идеологических») сторонников власти, строя, порядка, но и всевозможных конформистов, карьеристов и обычных наемников. Нельзя отказывать им в праве называться охранителями, хотя границу, безусловно, проводить необходимо. Есть идейные охранители и есть «неидейные». Кроме того, идейные охранители между собой тоже довольно сильно различаются. Грубо говоря, одни поддерживают режим, потому что считают его политику правильной и эффективной, а другие – поскольку видят некие серьезные угрозы, перед лицом которых нужно забыть о своих претензиях к власти и стать на ее сторону.

Себя я отношу именно к последним.

Все 1990-е я был оппозиционером. Человек, исповедующий правые государственнические взгляды, тогда мог быть только оппозиционером. Режим соревновательной олигархии, объявленный «демократией», либерализм и западничество, насаждавшиеся в качестве идейного мейнстрима, цинично выдававшаяся за «свободу слова» медиакратия, сами личности Ельцина, Гайдара, Чубайса и прочих вызвали отвращение, переходящее в ненависть.

Разумеется, я, как и подавляющее большинство россиян, одобрял многие начинания Путина в 2000–2001 годах, в частности централизацию власти. Но считал его не более чем продолжателем Ельцина, который в целом ограничится косметическими мерами. Однако в дальнейшем становилось все очевиднее, что в путинизме продолжают в основном только позитивные элементы ельцинизма (а таковые были, например президентский «царизм», заложенный в Конституции 1993 года). И главное, начались подвижки, не сводимые к «косметике». Соревновательная олигархия сменялась консенсусной, либерализм и западничество вытеснялись государственным патриотизмом, медиакратия выкорчевывалась, деятели прошлого царствования «перевоспитывались» в добровольно-принудительном порядке или лишались власти. Разумеется, это делалось зачастую непоследовательно, «несистемно», но все же «на выходе» стала получаться страна, жить в которой уже не стыдно.

К концу первого путинского срока я уже не мог назвать себя оппозиционером. Хотя и лоялистом, а тем более «путинцем» тоже не мог. Событием, заставившим меня, что называется, окончательно определиться, стала «оранжевая революция» на Украине в 2004 году. А если точнее, то восторженная реакция всевозможных «любителей демократии», которые спят и видят, как бы реставрировать порядки 1990-х, или просто жаждают «движухи». Понятно, что воспроизвести «оранжад» в России невозможно, однако от соответствующих попыток (и их деструктивных последствий) мы, увы, не застрахованы. Есть и интересные спонсоры, и потенциальные исполнители... Можно как угодно относиться к Путину и путинизму, но даже обсуждение в положительном или нейтральном ключе каких-либо «революционных» проектов и сценариев есть зло в чистом виде. Ведь в конечном счете они нацелены на максимальное ослабление и даже частичную десуверенизацию России.

Обо всем этом я написал в статье «Антиреволюционер», опубликованной в январе 2005 года, и развивавших ее тезисы статьях и колонках, выходивших в течение всего года (они сложились в книгу, выпущенную издательством «Европа» в декабре).

Любой охранитель в наши дни – непременно антиреволюционер, а любой антиреволюционер – охранитель. Вначале я хотел назвать сборник наиболее важных статей 2006–2007 годов просто «Антиреволюционер-2». Но в итоге выбрал то название, которое теперь

стоит на обложке. Тем более, что в последнее время я несколько расширил «фокус» и писал не только о «революции» и «революционерах».

Я благодарю издательство «Европа», «Русский журнал» (www.russ.ru), «Взгляд» (www.vz.ru) и «Известия», а также лично Глеба Павловского, Владимира Мамонтова, Константина Рыкова, Алексея Чадаева, Никиту Гараджу, Сергея Чугаева и Алексея Гореславского за предоставляемую мне возможность публиковать свои тексты.

Также я благодарю своих друзей и коллег Олега Матвейчева, Вадима Балытникова, Дмитрия Гусева, Артема Качура, Глеба Кузнецова, Алексея Никольского, Василия Кашина и Михаила Тульского за активную помощь и поддержку.

Отдельное спасибо моей жене Елене, которой теперь часто доводится быть первым читателем и редактором всего, что я пишу.

Глава I ТЕОРИЯ

СУВЕРЕНИТЕТ КАК ПРЕТЕНЗИЯ

Вокруг понятия «суверенитет» в последнее время сломано немало копий. Очевидно, что многих споров удалось бы избежать, если бы классическое определение суверенитета было подвергнуто конструктивной ревизии.

1

На наших юридических факультетах учат понимать суверенитет как верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти на территории государства, независимость в международном общении, обеспечение целостности и неприкосновенности территории. Но, увы, практически не учат критически разбирать классические определения и творчески их переосмысливать. В итоге часто приходится сталкиваться с откровенной схоластикой и фетишизацией.

Согласно современным представлениям, государство есть политическая организация, предполагающая наличие трех элементов: обособленной территории, населения, проживающего на этой территории и образующего нацию, и публичной власти, которая распространяется на эту территорию и которой подчиняется это население (нация), то есть государственной власти. Государство либо учреждено его населением – нацией, либо переформатировано им через своих представителей по итогам революции, освободительной войны, реформ и т. п. Именно нация является носителем суверенитета и источником власти. Именно нация непосредственно выступает правителем-сувереном (на выборах, референдумах и т. п.), и властный аппарат в принципе подчинен и подотчетен ей. Но при этом нация в целом и каждый конкретный ее представитель в отдельности одновременно ограничены своим подчинением государственной власти (иначе какая это власть?). Получается, что она – самоограниченный суверен.

Куда логичнее, на мой взгляд, исходить из того, что объективная необходимость во власти уже есть ее источник, что носителем суверенитета выступает государство в целом, и что реализует суверенитет властный аппарат, должный выражать и защищать интересы нации и в целом быть зависимым от нее.

Однако не все так просто. Ведь в любом государстве устанавливается правопорядок, регламентирующий в том числе осуществление власти, а значит, ограничивающий суверена вне зависимости от того, кого им считать и кто им действительно является – монарх ли, нация, государство в целом. Кроме того, неизбежное вступление в международное общение – заключение договоров, участие в деятельности международных организаций, автоматически влечет ограничение суверенитета обязательствами перед другими суверенами, которые, в свою очередь, тоже ограничивают свои суверенитеты.

2

Многие теоретики государства считают, что самостоятельное ограничение суверенитета не влияет на само его наличие, что, самоограничивая свой суверенитет внутри себя или вовне, государство его не утрачивает и т. д. Проблема в том, что «подчиненный суверен» есть абсурд. «Ограниченный суверенитет», «самоограниченный суверенитет» – никакой не суверенитет. Это хорошо понимал Жак Маритен, выдающийся критик понятия суверенитета, писавший о трех его значениях:

1) государство обладает абсолютной независимостью по отношению к другим государствам, никакой «международный закон» не может быть воспринят непротиворечивым образом;

2) государство принимает не подлежащие обжалованию решения, обладая «абсолютно высшей властью» («И эта абсолютная власть суверенного государства (...) над народом тем более неоспорима, что государство принимают за (...) персонификацию самого народа»);

3) государство реализует власть неподотчетно.

Важно также помнить, что сама идея суверенитета была разработана в конце XVI века во Франции посредством обобщения опыта противостояния королей римским папам и подчинения феодалов королевской власти в XIII–XVI веках. Нужно также учитывать, что к тому времени как раз потерпели окончательное поражение универалистские проекты папства и Священной Римской империи.

Система внешних суверенитетов непосредственно отсчитывает свою историю с Вестфальских договоров 1648 года, поставивших точку в Тридцатилетней войне и фактически демонтировавших империю.

Идея суверенитета, таким образом, противоположна идеям империи и надгосударственных объединений, более того, она изначально плохо совместима с международным правом, которое, как уже сказано, всегда ограничивает суверенитет.

Однако чем больше возрастала потребность в межгосударственной кооперации, чем больше росла роль договоров, конвенций, пактов и международных объединений, организаций, тем меньше возможностей для реализации суверенитета оставалось у государств.

Никто не отменял и того факта, что сильные всегда стремятся подчинять себе слабых, решать за их счет свои проблемы и самоутверждаться. Но даже сильные государства, способные вмешиваться в дела других, – державы – не могут считаться суверенными, поскольку выступают активными субъектами международного права и связаны им.

Практика раздела державами сфер влияния в Европе, империализм и колониализм, Версальская и Ялтинско-Потсдамская системы, деятельность Лиги Наций, а затем ООН, а также негативный опыт суверенизации многих бывших колоний (особенно африканских) и прочее постоянно опровергали классическую теорию и в целом, и в частности.

В этой связи очевидно, что нужно выделять и разводить формальный суверенитет – декларацию, соответствующую теоретическим определениям, нормативно оформленную, – и суверенитет фактический.

О фактическом суверенитете следует говорить не как о данности, а как о претензии. Претензии политической организации на независимость, самостоятельность во внешних и верховенство во внутренних делах, признаваемой другими политическими организациями с аналогичными претензиями. Претензии, которая в полном (в описанном в теории) объеме никогда не реализуется и реализоваться не может, однако все равно должна отстаиваться всеми возможными и допустимыми способами. Претензии, позволяющей провозгласить и предъявить формальный суверенитет и реально получить ту или иную степень автономии, то есть ограниченной независимости и верховенства.

Государство до тех пор действительно государство, пока оно успешно претендует на фактический суверенитет. Именно эта претензия при ее признании и реализации в границах возможного позволяет однозначно отличить государство от любой другой политической организации.

3

После крушения СССР Запад достиг апогея своего могущества, США – главная западная страна – остались единственной сверхдержавой. Западные европейские государства стали на путь уже не только фактической, а формальной десуверенизации, объединившись в Евросоюз. Одновременно стали просматриваться вполне четкие контуры куда более масштабного универсалистского проекта – системы, если угодно, глобального суверенитета, глобальной власти, осуществляемой сетевой структурой, образованной руководством западных держав, Евросоюза, транснациональных корпораций и международных организаций вроде ВТО, МВФ и прочих, своего рода мировой империи (об этом много пишут, в частности, известные неомарксисты Майкл Хардт и Антонио Негри). Можно говорить о претензиях отдельно взятых США или Запада в целом на роль метрополии в империи, при этом речь по факту идет скорее об их привилегированном положении, особой роли. Несмотря на многочисленные противоречия между западными странами, несовпадения национальных и имперских интересов, этот проект продвинулся достаточно далеко. Вместе с тем с учетом углубляющегося системного кризиса Запада, роста экономик и политических амбиций Китая и Индии, «бунта» Ирана, «левого марша» в Латинской Америке и т. п. легко представить себе в перспективе как его полный провал, так и существенную коррекцию, которая выльется в формирование совершенно полицентрической структуры. В ней Запад либо не получит привилегированного положения, либо очень быстро его утратит.

Перед Россией в начале 1990-х стоял ясный выбор: или полностью встать в фарватер Запада, или начать самостоятельно добиваться места под солнцем, сочетая заимствование и сотрудничество с конкуренцией и даже конфронтацией. Последнее означало выдвижение суверенных претензий – имея в виду конечно, империю на основе России, – предъявление нашей страны как державы. Вряд ли кто-то мог сомневаться, что мы выберем второй путь. Вся наша история это предопределяла.

В 1990-е годы Россия претендовала на суверенитет, мягко говоря, непоследовательно и неэффективно, хотя попытки были (можно вспомнить многое – и первую чеченскую войну, и марш-бросок на Приштину и т. д.). Тогда установился режим соревновательной олигархии. Правила «соревнований» установились предельно свободные, государственная власть была слаба, экономика еще не пришла в себя после советского кризиса и «реформ» Гайдара – Чубайса. При Путине положение изменилось – соревновательная олигархия сменилась консенсусной, начала выстраиваться «вертикаль власти». Восстановительный рост, а затем ряд успешных реформ и мероприятий, осуществленных путинской администрацией и правительством, и, конечно, дорожание нефти и газа на мировых рынках помогли стабилизировать социально-экономическое положение, а последнее также позволило предъявить Россию как энергетическую державу (мне больше нравится формулировка «ядерно-энергетическая держава»).

Потребность в идеологической и пропагандистской «упаковке» этой новой реальности вызвала к жизни концепт суверенной демократии. Но это уже другая тема¹.

¹ Статья написана в августе 2006 года. Первоначальная версия опубликована во «Взгляде».

МНОГОЗНАЧИТЕЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Вряд ли есть в политическом лексиконе более затащенное слово, чем «демократия». Что им только не обозначают и кто им только не клянется. Доброй порцией масла в огонь перманентной дискуссии о демократии стало понятие суверенной демократии. Одни утверждают, что это всем демократиям демократия, другие – что это вообще не демократия.

1

Демократия – это политический режим (система организации власти – формальной и неформальной), существовавший в ряде древнегреческих городских республик и описанный античными философами и историками. Хрестоматийным примером выступает афинская демократия, практика которой была подробно обобщена Аристотелем. Античные демократии предполагали народовластие, максимальную «симфонию» народа и власти, то есть прямое управление государством народным собранием и через максимально широкое народное представительство.

Однако опыт тех же Афин показывает, что подобное возможно лишь при наличии целого ряда условий:

- 1) ограниченной территории;
- 2) ограниченной численности населения;
- 3) незначительного социального неравенства;
- 4) минимальных – в допустимых для данного (рабовладельческого) общества пределах – цензовых ограничений пассивного и активного избирательного права: в Афинах политическими правами обладали только примерно 50 тысяч местных мужчин;
- 5) наличия у граждан времени для участия в политической деятельности и государственном управлении (это обеспечивалось рабовладением). Следует также учитывать, что в повседневной жизни демократия легко оборачивалась господством толпы, которая, по словам Плутарха, «того, кто ей потакает, влечет к гибели вместе с собой, а того, кто не хочет ей угодить, обрекает на гибель еще раньше».

При увеличении территории государства, численности его населения, дифференциации социальной структуры и т. п. прямое народное правление и широкое народное представительство становятся невозможными. (Нужно также помнить, что прецедентов, аналогичных афинскому, в истории было весьма немного, да и в Афинах не всегда была демократия.) Кстати, в силу этих же факторов становится принципиально невозможным и правление одного (автократия), для которого необходима еще более примитивная общественная структура. Поэтому абсолютное большинство всех существовавших и существующих политических режимов есть самые настоящие олигархии.

Это слово обычно употребляют в негативном контексте, хотя исходно оно означает лишь «правление немногих». Восточные деспотии или тем более европейские абсолютистские режимы, несмотря на огромную власть монархов, на деле также были организованы олигархически. Ни один фараон, султан или король не управлял государством единолично. Естественно, не были демократиями ни республика Святого Марка (Венеция), ни ганзейские города, ни Господин Великий Новгород. В общем, демократии и автократии – это крайне редкое исключение из общего правила.

С античных времен мы не обнаружим демократии на государственном уровне нигде, она встречалась и встречается только на уровне общинного, корпоративного, муниципаль-

ного самоуправления. Именно поэтому, как представляется, при рассуждениях на темы государства, политического режима и т. п. требуется отделять демократию («историческую» античную демократию) от современной демократии.

2

Современной демократией можно назвать комплекс правовых и политических институтов, обеспечивающих гражданам определенный набор личных, политических, экономических и т. п. прав и свобод, право на участие всех желающих граждан в управлении государством, учет их интересов и мнений при выработке, принятии и реализации государственных решений. Принципиальное значение имеют выборы, а также референдум – это системообразующие институты. Таким образом, **современная демократия – это уже не политический режим, а составляющая политического режима**, позволяющая характеризовать его как демократический.

Современные демократии начали формироваться в XVIII–XIX веках (где-то, например, в Швейцарии – даже раньше), когда просвещение и промышленная революция стали успешно разрушать доиндустриальные социальные и культурные иерархии, когда расширился доступ к образованию, результатом чего стало появление культурно более-менее однородных обществ. Тогда носителями культур, опирающихся на письменность, становились уже не только элиты, а практически все. Это в свою очередь влекло за собой пробуждение национального самосознания и в итоге формирование наций – сообществ, основанных на культурной и исторической самоидентификации, сопровождавшееся широким распространением идей, утверждавших политическую субъектность наций или вообще объявлявших их единственным источником государственной власти.

Запустился процесс революционной и/или реформаторской модернизации, на выходе стали получаться государства-нации (впоследствии формирование государств-наций стали стимулировать, появились искусственные государства и искусственные нации, в XX веке «государств-ненаций» в мире практически не осталось). Раз нация субъект и даже источник власти, то и составляющие ее граждане тоже и субъекты, и даже источники, которые, естественно, должны иметь права и пользоваться свободами. Следование этой логике и в теории, и на практике приводит к современной демократии. Да, то же всеобщее избирательное право утвердилось не сразу, и долгое время его понимали в лучшем случае как всеобщее избирательное право мужчин. Но, как говорится, прогресс не остановишь, надо только начать...

Разумеется, право на участие в управлении государством, обычно сводящееся к активному избирательному праву и праву на участие в референдуме, а также право высказывать свое мнение, вовсе не означает собственно участия в управлении. В государствах-нациях легитимность власти основывается на прямом или косвенном народном волеизъявлении, власть формально приобретает или пролонгируется, по общему правилу, по итогам выборов (и легитимность многих современных монархов тоже опирается на волю соответствующих наций, которые некогда пожелали сохранить, восстановить либо даже учредить монархию). Но формирование и воспроизводство властных элит (и контрэлит), выдвижение на олигархические позиции, ротации в олигархатах и тем более текущее осуществление власти происходит практически совершенно обособленно от основной массы граждан.

Безусловно, нынешние олигархии, мягко говоря, многим отличаются от тех, с которыми имел дело тот же Аристотель. Но суть – «правление немногих» – осталась неизменной. И никакие революции или победы на выборах оппозиционных несистемных деятелей ничего принципиально не меняют. То, что кто-то «оседлал историю», уловил и грамотно использовал народные настроения, вовсе не означает установления демократии в ее античном понимании. Чувствительность современной власти к общественному мнению также

не стоит принимать за проявление народовластия. И в доиндустриальную эпоху правители обычно прислушивались к своим народам, признавали свою зависимость от них, а потому заигрывали.

Реальность такова, что все править не могут. И правят немногие, «от имени и по поручению» остальных. Вопрос только в том, насколько интересы правящих совпадают с интересами остальных, насколько адекватно и ответственно осуществляется управление, насколько исповедуются принципы солидарности.

Практически любой современный политический режим официально аттестует себя как демократический, а фактически является олигархическим. Современная демократия не исключает, а дополняет олигархию, придает легитимность олигархическим режимам, прикрывает и укрепляет их. Формулировки вроде «власть принадлежит народу», «народ взял власть», «народ лишили власти», если только они осознанно не используются в пропагандистских и иных подобных целях, бессмысленны. У народа нет власти, народ не правит. Современная демократия лишь создает соответствующую иллюзию (разной степени убедительности – в каждом конкретном случае), дает народу, отдельным «простым людям» возможность где-то как-то повлиять на власть, защищает их от откровенного произвола. И все.

3

После Второй мировой войны наибольшую социально-экономическую эффективность стали демонстрировать страны Запада. Тамошние режимы, опирающиеся в первую очередь на либеральные идеологические принципы (конституционализма, парламентаризма, разделения властей, идеологического плюрализма и т. д.), отвергнувшие диктаторские, «тоталитарные» методы управления, не только определяют себя как демократии, но фактически ввели «демократическую религию» и активно используют соответствующую риторику в своей внешней политике, пропаганде, PR. В этих условиях западные институты и форматы институтов современной демократии стали восприниматься как эталоны и все активнее перениматься или насаждаться. Деградация советского проекта и крушение СССР лишила Запад единственного конкурента, способного продвигать альтернативную модель (советскую демократию) в глобальном масштабе.

Фарид Закария в своей книге «Будущее свободы» выделяет «либеральные демократии» (западные режимы), «либеральные автократии» (режимы, насаждающие западные порядки нелиберальными методами, – пиночетовский в Чили, чанкайшистский на Тайване и т. п.) и «нелиберальные демократии» (режимы, использующие демократические институты для легитимации нелиберальных практик, – в их число попал путинский режим). Китайский, иранский и тем более северокорейский режимы в этой связи следует охарактеризовать как «нелиберальные недемократии» (хотя в Иране, например, проводятся по-настоящему альтернативные выборы).

Получается, что чем ближе к западным олигархиям тот или иной режим, тем он демократичнее. И наоборот. Советская демократия, исламская демократия в этой логике – вовсе не демократии.

Несмотря на то, что западные модели современной демократии обычно плохо приживаются в незападных странах, и их приходится серьезно корректировать, адекватной альтернативы им в целом еще никто в мире не предложил. Ни для себя, ни для других. И все так или иначе заимствуют и копируют. Кто-то больше, кто-то меньше. Вечно так не будет, тем более что Запад, как ни банально это звучит, все глубже увязает в системном кризисе. Однако пока имеем то, что имеем.

Учитывая, что Россия – европейская страна, наш нынешний копиизм если и не оправдан, то вполне объясним. Можно вспоминать о том, что в 1988–1990 годы можно было хотя бы пойти по «китайскому пути». Но толку-то... Поезд давно ушел.

Однако копиизм копиизму рознь. Различия между порядками 1990-х и нынешними видны невооруженным глазом, при том что путинизм исторически есть прямое продолжение ельцинизма.

4

Теперь о суверенной демократии. Это понятие стало активно внедряться в официальную риторику «Единой России» и близких к Кремлю политиков, общественных деятелей и экспертов с весны прошлого года. Тогда же Путин в своем очередном послании парламенту провозгласил: «Россия – это страна, которая выбрала для себя демократию волей собственного народа. Она сама встала на этот путь и, соблюдая все общепринятые демократические нормы, сама будет решать, каким образом – с учетом своей исторической, геополитической и иной специфики – можно обеспечить реализацию принципов свободы и демократии. Как суверенная страна Россия способна и будет самостоятельно определять для себя и сроки, и условия движения по этому пути».

За год сформировался целый корпус текстов о суверенной демократии, как апологетических, так и полемических. Своего рода «согласование несогласованных канонов» было произведено Владиславом Сурковым в его «февральской лекции» для слушателей Центра партийной учебы и подготовки кадров «Единой России» и ряде других публичных выступлений. Партия власти объявила о том, что идея суверенной демократии станет одной из основ ее идеологии и программы на выборах в 2007 году. Более того, ее взял на вооружение и Сергей Иванов, считающийся одним из кандидатов в преемники. В своей программной статье «Триада национальных ценностей», опубликованной недавно в «Известиях»², он включил суверенную демократию в триаду наряду с сильной экономикой и военной мощью.

Высказывалось и много критики, причем не только оппозиционерами, «революционерами» и западными товарищами во главе с самим Бушем. Примакова и Медведева, например, ни к одной из этих групп отнести нельзя. Можно выделить две основные претензии. Во-первых, зачем к «демократии» прибавлять какие-то другие слова? Дескать, создается впечатление, что речь идет о какой-то особой современной демократии или вообще не о демократии. Во-вторых, в западной политологии используется понятие *sovereign democracy*, которое на русский язык дословно переводится как «суверенная демократия». Однако на самом деле зачастую *sovereign* надо переводить не как «суверенная», а скорее как «национальная». Соответственно под *sovereign democracy* там понимают совсем не то, что мы сейчас вкладываем в «суверенную демократию». Получается, что якобы берется чужое понятие, в которое якобы вкладывается новый смысл.

По поводу первого следует для начала напомнить, что в теоретической политологии существует множество понятий, вроде «непосредственная демократия», «представительная демократия», «плебисцитарная демократия», «плюралистическая демократия», «либеральная демократия» и т. д. Большинство этих понятий входит в актуальный политический лексикон. Прибавлять к «демократии» другие слова в полной мере допустимо, а иногда и просто необходимо.

Суверенной демократией можно назвать и технологию, используемую режимом, и режим как таковой. С технологической точки зрения суверенная демократия предполагает самостоятельное (максимально самостоятельное) определение форматов демократических

² Известия. – 2006. – 13 июля.

институтов, а вовсе не отказ от них. Назвать суверенно-демократическим можно лишь тот режим, который, развивая такие институты, одновременно отстаивает собственную самостоятельность и соответственно самостоятельность государства настолько, насколько это целесообразно и возможно в современном мире. Так что противопоставлять суверенную демократию демократии (в современном ее понимании) не следует.

Теперь о соотношении суверенной демократии и *sovereign democracy*. В американской и европейской политологии *sovereign democracy* имеет три значения:

- 1) государство с политическим режимом западного образца;
- 2) политический режим в западной стране;

3) политический режим в стране, подвергнутой «демократизации» – целенаправленной модернизации по западным лекалам, предполагающей отказ от суверенных претензий пусть не полностью, но в значительной части (в качестве синонима часто используют еще *young democracy* – «молодая демократия»).

В третьем случае *sovereign* означает уже не «национальная», а «независимая от западного влияния». Молдавия или Грузия *sovereign democracies* постольку, поскольку они теперь политически независимы от России, точнее, более независимы, чем были. По сути же это управляемая демократия.

Спорить с тем, что Россия – государство с демократическим политическим режимом западного образца, конечно, можно. Но есть ли в этом смысл? Все базовые институты, описанные в любом учебнике, у нас имеются. То, что форматы институтов отличаются, в данном случае несущественно. Они везде отличаются. А вот «демократизировать» себя мы давно не позволяем. Так что отнесение или неотнесение нас к *sovereign democracies* зависит от того, что конкретно имеется в виду. Вывод, по-моему, очевиден. *Sovereign democracy* и суверенная демократия – разные понятия, и современную Россию можно описывать, используя оба³.

³ Статья написана в августе 2006 г. Первоначальная версия опубликована в «Русском журнале».

ДРУГАЯ ЕВРОПА

Никогда не понимал смысла рассуждений о том, может ли Россия когда-нибудь «стать Европой». Полагаю, что все дискуссии на эти темы есть не что иное, как набор спекуляций, сознательных или вызванных невежеством. Европой (как Азией или Африкой) нельзя «стать». Можно ею быть или не быть.

1

Географически Россия до Урала есть Европа, таким образом, политически континент простерся на востоке до Тихого океана. Причем мы не «продолжение» Европы, каким являются США (вместе с Западной Европой и рядом других «продолжений»), в частности Канадой и Австралией, образующих Запад как единый исторический и политический субъект) или латиноамериканские страны. Мы самая что ни на есть историческая Европа. Мы были ею и тогда, когда много кого еще не было и в помине.

Изначально Европа – это христианский мир. Наталия Нарочницкая очень точно сформулировала первичную формулу европейской цивилизации, то, что объединяло немцев, русских, французов, сербов, англичан и прочих европейцев: «Отче наш», Нагорная проповедь – вот общий фундамент нашей культуры и истории. В нем – отношение к земной жизни как испытанию для жизни вечной, в нем – свобода воли (христианская, а вовсе не либеральная категория), дарованная вместе со способностью различить добро и зло, а значит, возможность дать нравственную оценку своему свободному выбору.

Европа также еще и наследник Рима, римской цивилизации. Исторически это наследие, как и христианство, принималось разными путями и в разных версиях, что предопределило разделение на несколько Европ. Была Византия, византийская Европа, была Европа варварская, ставшая затем романо-германской, – от них пошло потом много разных европейских проектов.

Русь и христианство, и «права» на римское наследие получила от Византии в X веке. Но это, естественно, не исключало общения с другими европейскими странами, и в X–XII веках оно было по меркам тех времен довольно тесным. Но постепенно в силу углублявшихся противоречий между православием и католичеством, закончившихся великой схизмой, пути Европ расходились. Но даже подчинение значительной части русских земель чингисидовской сверхдержаве, а потом Золотой Орде в XIII–XV веках и гибель Византии не отделили, да и не могли отделить русскую цивилизацию от европейской. При том что мы, будучи носителями, распространителями и защитниками правильной веры, стали претендовать на статус «единственных европейцев»: выдвинули доктрину «Москва – третий Рим», даже провели мифическую родословную Рюриковичей от Пруса, якобы брата императора Августа, подчеркивая уже не византийскую, а непосредственно римскую преемственность.

Исходно Русь, Россия – поствизантийская Европа, православная Европа, русская, российская Европа. С учетом того, что с определенного времени «полноценной», «настоящей» Европой стали считаться только западноевропейские страны, мы – другая Европа.

2

Технический прогресс, Великие географические открытия, запустившие колониализм и, как следствие, рост материального благополучия и могущества, вывели наших западных братьев на передовые позиции в мире. Вполне естественно, что актуализировалась тема

отставания, которое надлежит преодолевать. Отсюда импорт технологий, а с ними неизбежно ценностей, идей, институтов, общественных практик.

С конца XVII века православие теряет безусловный авторитет у элиты, та все больше и больше проникается идеей ущербности и вредности российской «инаковости», российский проект размывается через «европеизацию», то есть уже не столько через необходимые заимствования, сколько через искусственное, механическое подражание «настоящей Европе». Был ли этот процесс неизбежен? Да, ведь делают жизнь по образу того, кто успешнее, или того, кто умеет подать себя в соответствующем качестве. Что с этим можно поделать?

Однако важно то, что полностью отказаться от «инаковости» в XVIII веке было невозможно. Элита элитой, но остальной народ еще долго держался за свою веру, и всерьез посягать на нее никто не пытался. Она в свою очередь создавала препятствия, которые «европеизация» преодолеть пока не могла или преодолевала очень медленно. Кроме того, несмотря ни на что «настоящие» европейцы «своими» нас не признавали: либо вообще считали «азиатами», либо объявляли «отпавшими», а потому подлежащими исправлению и сдерживанию. Почему? Во-первых, опять же из-за православия. Во-вторых, из-за очевидных успехов России и до «европеизации», и после. Ни один поствизантийский православный проект с нашим сравнить нельзя. Мы заявили претензии на статус державы и их реализовали. И нас элементарно боялись. Весь корпус западной русофобской мысли пропитан страхом.

Время шло. Протестантизм и просвещение породили модерн, в XIX веке сокрушивший мир традиции и навсегда изменивший Западную Европу, а затем и весь мир.

Россия чему-то сопротивлялась, что-то приспосабливала к своей специфике, но в целом двигалась в модернистском фарватере. Как и везде, шло постепенное, но неуклонное освобождение человека и «человеческого» от «отживших» ограничений, разрушались старые иерархии, углублялась секуляризация и, в конечном счете, дехристианизация. Православие сдавало позицию за позицией. От российской «инаковости» практически ничего не оставалось.

3

В силу совпадения целого ряда исторических факторов в 1917 году власть в нашей стране перешла в руки марксистов-большевиков – сторонников одной из самых радикальных версий крайне популярной тогда на Западе левой идеологии. Промежуточной целью советского проекта было объявлено уничтожение капитализма и строительство социализма, конечной – установление коммунизма. Сами идеи социализма и коммунизма разрабатывались несколькими поколениями западных леваков. То есть этот проект в своей основе – западноевропейский. В его рамках были с высокой эффективностью произведены преобразования, входившие обязательными компонентами в любую тогдашнюю прогрессистскую программу – от индустриализации до эмансипации женщин.

Однако инерция досоветской общественной структуры, пусть и уже секуляризированной, но все еще во многом традиционной, очень быстро кардинально скорректировала проект, что дало повод исследователям говорить о «консервативной модернизации». Модернизации, при которой сохраняются – целиком или частично – многие элементы традиционного общества. Можно привести немало примеров, начиная от института колхозов, в которых продолжила жить крестьянская община, правда, основательно выхолощенная, и заканчивая коммунистической квазирелигией и практикой сакрализации высшей власти, персонифицированной в фигуре «вождя». Если совсем обобщенно, то в официально левом советском проекте оказалось слишком много правого. Но осмыслено все это было не сразу.

В 1920-1930-е мы точно оказались «впереди Европы всей» – ведь нигде более антикапиталистические революции успехом не увенчались. Для одних Советская Россия стала едва

ли не землей обетованной, другие считали, что наша страна погрузилась в ад. Ни у нас, ни на Западе тогда особо не спорили о том, считать ли «советских» европейцами или нет. Граница проходила по линии капитализм – коммунизм. Хотя уже тогда начались разговоры о том, что Россия неспроста пришла к коммунизму, что за марксистской риторикой скрывается новое издание нашей «инаковости». Но после предъявления альтернативы как либерально-капиталистической модели, так и советскому проекту в виде фашизма и нацизма встал вопрос уже о единстве Западной Европы и Запада.

По итогам Второй мировой войны на лидирующие позиции в мире выдвинулись мы и американцы, и на заново запущенное противостояние «двух систем» начало накладываться соперничество двух сверхдержав, в котором идеологические противоречия чем дальше, тем больше отходили на второй план.

Тогда на заново консолидированном Западе мейнстримом постепенно стали различные синтезы социализма и либерализма, капитализм «гуманизировался» и все больше «социализировался». Сформировались новые критерии эффективности проектов: теперь, грубо говоря, нужно было не только иметь развитую промышленность, сильную армию и т. п., но и обеспечивать населению возрастающий уровень потребления и свобод (демократии).

Принято считать, что СССР, втянутый в гонку вооружений, надорвался, что его и погубило. На самом деле с хрущевских времен мы втянулись в еще одну гонку – потребления. Достойно участвовать в двух гонках одновременно не получилось. Да и не могло получиться. Это я, разумеется, не к тому, что не нужно было пытаться удовлетворять «всевозрастающие потребности советских людей». У нас тоже стало стремительно складываться «общество потребления», и власть не могла это игнорировать. А к тому, что построенная система не могла эффективно выполнять новые задачи. Она могла в сжатые сроки обеспечить разработку и производство самого продвинутого ядерного оружия, но не повсеместное продуктивное изобилие, например. Была заточена на мобилизацию, а не на обслуживание «общества потребления». И поскольку все попытки перезаточить ни к чему не привели, ясно, что проблема носила системный характер.

В уровне свобод соперничать даже не пытались – было понятно, что добром это не кончится.

«Настоящей» Европой окончательно стали считать именно и только Западную Европу потому, что там социализм в смеси с либерализмом демонстрировал всяческую эффективность. Неэффективный «тоталитарный» СССР, естественно, в Европу не вписывался. Тут как раз очень хорошо ложились тезисы про «Азию», «отпадение от Европы», извечную российскую «инаковость», только перекрашенную в красный цвет, а также раздутые мифы о какой-то инфернальной кровожадности советского режима.

В действительности советский проект – явление очень противоречивое. Он, с одной стороны, приблизил Россию к Западу, в чем-то, если исходить из стратегических тамошних трендов, сделал нас «более западными», чем сами «западники» (вспомним агрессивную дехристианизацию, введение всеобщего избирательного права для женщин), а с другой – практически до самого конца сохранял многое из того, от чего в «настоящей» Европе отказались, что изжили целиком или почти целиком. Он обеспечил не только форсированную модернизацию в кратчайший срок между двумя мировыми войнами, но и отладку мобилизационной организации, благодаря которой (главным образом благодаря которой!) была добыта победа в 1945 году, а затем достигнут сверхдержавный статус. Но в 1970–1980-е обнаружилось, что проект исчерпался.

Россия в 1917–1991 годах может считаться другой Европой, но уже не в смысле «инаковости», как это имело место до XVII века, а ввиду альтернативного движения по западно-европейскому пути.

4

Кризис и разрушение СССР сопровождался призывами «вернуться в Европу» и даже «вернуться к цивилизации». Go West! В переводе с антисоветско-пропагандистского языка это означало принятие некой версии социалистическо-либерального синтеза. Однако, как и в 1917 году, власть опять досталась радикалам. На этот раз жестким либералам, которые сочетали почти религиозное почитание Запада с острой аллергией к любому социализму. Именно они сформулировали и запустили новый проект – либеральный. Сегодня это наш действующий проект, в который, правда, внесено много правых и левых коррективов, особенно в последние годы.

В 1990-х либеральный проект, насколько было возможно, интегрировал нас в «настоящую» Европу на вторичную позицию. Да, нас если и стали признавать за «своих», то равными все равно не считали. Но от своей «инаковости» или «альтернативности» мы отказывались, причем не только на уровне элиты, но и на «народном» уровне. Тот, кто считает иначе, либо игнорирует совсем недавнюю историю, либо просто тешит себя иллюзиями.

Победа в холодной войне сделала Запад в целом излишне самоуверенным, откровенно наглым. Многие западные страны, в первую очередь США, принялись форсированно «демократизировать» мир, навязывать всем подряд якобы «общечеловеческие» ценности и стандарты, которые при этом сами отнюдь не всегда полностью разделяют, которым не вполне соответствуют. В одних случаях это делается из сугубо миссионерских соображений – мол, надо «окультуривать варваров». В других – «демократизация» выступает всего лишь прикрытием реализации совершенно конкретных политических и экономических интересов. «Новообращенной» России доставалось и достается особо – и как бывшей сверхдержаве (надо же за многовековой страх посчитаться), и как чересчур стремившейся к «европеизации», бравшей на себя повышенные обязательства.

Вместе с тем стали просматриваться контуры некой глобальной «империи», идущей на смену национальным государствам, в которой Западу отводится особая интегрирующая и направляющая роль.

Однако в последнее десятилетие Запад подошел к порогу эффективности своих проектов. Перед ним встали проблемы, которые он явно не способен разрешить, – бремя welfare state, старение коренного населения, агрессивное поведение иммигрантских диаспор, небезуспешно пытающихся корректировать общественные форматы под себя, чудовищный кризис морали, порождающий всеобщее разложение, и т. д. Тот же вызов международного терроризма актуализировал тему сокращения свобод, оплачивать комфортную жизнь стало все труднее и труднее.

Поэтому в Западе начали массово разочаровываться. Тем более что параллельно укрепляются экономические и политические позиции, а значит, и увеличиваются претензии как отдельных европейских «продолжений», долгое время находившихся на периферии (Латинская Америка), так и «европеизированных», но тем не менее сохранивших собственный фундамент азиатских стран (Китай, Индия). Все идет к тому, что они перестанут признавать превосходство Запада, и в глобальной империи – если она все же сложится – у того не будет «контрольного пакета».

Россия в этом контексте сейчас переосмысляет себя. Подчиненное положение в «настоящей» Европе исключает для нас державный статус. А Россия не может не быть державой и, едва укрепившись после постсоветского кризиса, взялась восстанавливаться в этом каче-

стве, благо сложилась крайне выгодная конъюнктура на мировых рынках нефти и газа и увеличивается зависимость многих стран от наших поставок. К тому же с нынешними «настоящими» европейцами, дошедшими уже до крайних мерзостей вроде педерастических браков, зачастую просто позорно рядом стоять.

Но легко предлагать «повернуться лицом к Азии», развлекаться всякими евразийскими или даже «византинистскими» фантазиями. Выписаться из Европы нельзя, даже если очень хочется. И сделанного за последние более чем 300 лет не вернешь.

Поэтому нужно вновь предъявить себя как другую Европу. Другую. Европу. Не противопоставляющую себя «настоящей» Европе, Западу – нечего нам кардинально противопоставить, это очевидно. Не пытаться искать альтернативные пути – нет сейчас таких, во всяком случае для нас подходящих. Да и страну под такие дела в очередной раз пришлось бы разворотить, а кто поручится, что мы это выдержим? Надо двигаться по западноевропейской магистрали, во всяком случае в среднесрочной перспективе, сотрудничать, заимствовать, но при этом стараться обходить те тупики и ямы, в которых застревают «настоящие» европейцы, стараться минимизировать объективно порождаемые этим выбором проблемы. И одновременно постоянно отстраиваться от того же Евросоюза и США. Мы с вами, но мы не ваши, а свои собственные и хотим такими оставаться. У нас свой суверенитет и своя держава.

Главное – окончательно признать и постулировать, что хотя мы, как все европейцы, приняли личную свободу человека в качестве важной и нужной ценности, но в абсолют ее не возводим и возводить не будем. Что мы знаем и понимаем, к каким негативным последствиям это привело и еще способно привести. За столетия мы переняли много разных идей, институтов, практик и еще, конечно, будем перенимать. Но все это мы не можем и не будем воспринимать как эталон, все это нуждается в адаптации, в приведении к нашему знаменателю.

Если будем успешны (а в успех надо верить, иначе зачем все?), то в один прекрасный день «настоящей» Европой сделаемся мы. Ведь «настоящий» – это, как уже говорилось, тот, кто успешнее⁴.

⁴ Статья написана в июне 2006 года. Первоначальная версия опубликована во «Взгляде».

ИМПЕРИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ

4 ноября наша страна во второй раз отмечала День народного единства, праздник, в первую очередь символизирующий консолидацию российских граждан вокруг государства (в этой связи лучше было все же назвать его Днем национального единства – дальше я постараюсь объяснить разницу между нацией и народом). Накануне этого дня в публичном пространстве ожесточилась и без того агрессивная полемика между «имперцами» и сторонниками «национального» пути развития государства. Выдвигаются десятки интерпретаций российской истории, от апологетических до негативистско-критических, на их основе формулируются взгляды на настоящее и задачи на будущее. Представляется, что обе стороны излишне мистифицируют сами понятия империи, национализма и т. д., и это приводит их к неверным и даже вредным выводам. В этой связи я счел нужным поделиться собственными соображениями.

1

Империя – это государство, сделавшее с момента создания или на определенном этапе развития целью и смыслом своего существования постоянную внешнюю экспансию (политическую, экономическую, военную, религиозную, культурную, идеологическую), сумевшее мобилизовать необходимые для нее ресурсы и преуспевшее, добившееся значительного территориального приращения посредством войн, колонизации, договорных приобретений, подчинившее своему влиянию другие страны.

Империя всегда держава (или даже сверхдержава), но держава вовсе не всегда империя. Державой нужно называть государство, обладающее достаточными ресурсами для претензий на суверенитет, проведения самостоятельной внутренней и внешней политики, вмешательства в дела других государств и защиты от вторжения в дела собственные (сверхдержава может вмешиваться в дела других держав). Держава-«не-империя» не концентрируется на внешней экспансии, не стремится к территориальному расширению, довольствуется признанием остальными своего державного статуса.

История практически любой империи начиналась с захватнических войн (в том числе США, вспомним Американо-мексиканскую войну 1846–1848 годов). Но опять же любая империя на определенном этапе прекращала завоевания и вела лишь войны оборонительные или призванные укрепить, восстановить либо продемонстрировать имперское влияние в том или ином регионе, подтвердить имперский статус (хотя иракская кампания вполне может считаться завоеванием). Как только империя по тем или иным причинам утрачивает способность проводить эффективную экспансию, она начинает разрушаться, в первую очередь терять территории, как зависимые, так и непосредственно входящие в состав государства. Империя также может рухнуть в результате военного поражения или восстания, революции.

Важной составляющей большинства имперских проектов выступают мифы о порядке, мире, процветании, прогрессе, которые приносят человечеству соответствующие империи. Естественно, на практике все не столь однозначно. Многие империи создавались в результате жестокого покорения пассионарными воинственными народами своих более культурных соседей, порой гораздо более культурных (хрестоматийные примеры – Ассирийская, Монгольская, Османская империи). Европейский колониализм и агрессивное прогрессор-

ство прервали естественное самостоятельное развитие десятков стран. О Третьем рейхе можно даже не вспоминать. Так что империи, особенно в периоды своего создания и становления, могут принести все что угодно, в том числе хаос, войны, разруху и деградацию.

Из сказанного вовсе не следует, что империи есть зло. Империи, если угодно, неизбежны, а значит, необходимы. Они – главные локомотивы человеческой истории, которая сама по себе не зла и не добра.

2

Нация – это совокупность граждан государства (или подданных при монархиях) и одновременно совокупность народов и диаспор, живущих в государстве. Согласно современным представлениям, нация выступает одним из трех элементов государства (наряду с территорией и публичной властью) и, главное, самостоятельным политическим субъектом – источником власти и носителем суверенитета. Нация и национальность, народ в этническом смысле, то есть этнос, есть разные национальные общности.

Этнос – это общность, исторически сложившаяся на определенной территории, объединенная языком и культурой, обладающая стойким сочетанием самобытных этнических (антропологических, психологических) свойств, воспроизводимых от поколения к поколению.

Нация – это национальная общность, сформировавшаяся на базе, как правило, нескольких этносов, объединенная языком и культурой, а также тем, что называют «историческим путем», создавшая государство или модернизировавшая уже существовавшее.

Хотя довольно часто государственное строительство или переустройство и национальная интеграция шли одновременно и параллельно (как во Франции, где нация окончательно консолидировалась после революции). Теоретически в совершенно моноэтнических государствах народ и нация могут совпадать. Только где кто встречал такие?

Тот этнос, представители которого играли ключевую роль при создании государства и несут далее основное бремя по поддержанию его бытия, нужно считать государствообразующим. Обычно к государствообразующему народу (государствообразующим народам) принадлежит большинство граждан (или подданных), он выступает основой и стержнем нации и потому имеет особый формальный или неформальный статус (к примеру, только его представитель имеет реальные шансы возглавить страну).

Национализм можно определить в первую очередь как мировоззренческую установку, основанную на осознании и переживании человеком, людьми своей принадлежности к определенной национальной общности – этносу (народу, национальности, племени) или нации, к которой они принадлежат с рождения или в которую влились. Отсюда следует, что бывает национализм этнический (этнонационализм) и национализм государственный (госнационализм).

Современный этнонационализм предполагает, что в рамках нации не стираются и не могут стереться границы между составляющими ее этническими элементами, что они должны сохранять свою идентичность и иметь возможность ее предъявлять, что их собственная национальная солидарность не только уместна, но необходима, что любым попыткам покушения на идентичность положено давать однозначный адекватный отпор.

Подлинно государственный подход исходит из единства государства и единства нации, которые сами по себе представляют общую ценность. При этом он непременно учитывает, что, как уже сказано, нацию образуют не только отдельные люди («атомарные индивиды»), но и народы. И солидарность на уровне нации достигается в том числе солидарностью этнической и межэтнической.

Таким образом, госнационализм в идеале вбирает в себя этнонационализмы в качестве составных частей и одновременно формирует над ними надстройку – ценность единства, нивелирует противоречия, не допускает сползания к национал-экстремизму.

В моноэтнических странах, где государствообразующие народы количественно составляют свыше 95 % от численности населения (как в Дании, Польше, Венгрии, Японии, обеих Кореях), провести границу между этнонационализмом государствообразующего народа и госнационализмом трудно, да это и не нужно. В многонациональных странах она прослеживается так или иначе четко.

Описанная схема – идеальная. На практике, разумеется, нередко возникают противоречия, трения, конфликты, в том числе провоцируемые как недовольством этнонационалистов реальными или вымышленными проблемами своих народов, так и чрезмерным усердием правительств по унификации культурных, языковых и прочих различий, излишне надэтническим характером госнационализма.

Национальный экстремизм есть продолжение этнонационализма, но продолжение злокачественное, оспаривающее, подрывающее, отрицающее единство нации. Это «ультраэтнонационализм», а относительно госнационализма вообще – «антинационализм».

Нацэкстремизм утверждает превосходство одних народов над другими, а в радикальном своем проявлении – нацизме – прямо требует поражения «неполноценных» в правах и даже их уничтожения. Кризисные явления часто запускают рост экстремистских настроений, которые быстро становятся самостоятельным фактором дестабилизации и разрушения государств. Так было и с Российской империей, и с СССР.

Нацэкстремизм может быть и продолжением госнационализма. Наиболее показательные прецеденты были продемонстрированы в эпоху колониализма, особенно британцами. Идея «бремени белого человека» была экстремизмом чистой воды. Особенно когда она воплощалась на практике. Можно, разумеется, сослаться на то, что компенсацией часто выступали цивилизаторство и прогресс. В общем это так, хотя в конечном счете ответом на один экстремизм становился другой – в виде восстаний, терроризма и т. п. Последствия до сих пор приходится расхлебывать, и конца этому не видно.

Нацэкстремизм часто путают с этнонационализмом, и экстремистов такое положение дел в общем устраивает. Будучи «паршивыми овцами» и, как правило, маргиналами, они охотно презентуют, или во всяком случае пытаются презентовать, себя в качестве лидеров, идеологов и рупоров всех националистов, чем служат отличную службу либеральной пропаганде, для которой национализм – одна из любимых мишеней.

3

Поговорим теперь об имперских нациях и империообразующих народах. Естественно, это разные понятия. (Германские нацисты попытались практически их отождествить. С известным результатом.) Как любое государство, любая империя создавалась при преимущественном участии одного народа или нескольких народов либо этнического конгломерата, переплавляющегося в новый народ непосредственно в ходе создания империи (как монголы).

Совершенно очевидно, что империя вовсе не обязательно космополитична, как Дунайская монархия Габсбургов или США. Империя в принципе не враждебна этнонационализму, во всяком случае этнонационализму империообразующих народов. Достаточно вспомнить здесь практику Британской, Голландской, Германской империй.

В аграрную эпоху наций в современном понимании не было, применительно к тогдашним империям уместно говорить об имперских народах – империообразующих и покоренных ими, подчинившихся. При создании империй их элиты в основном состояли из предста-

вителей империообразующих народов, в дальнейшем же элитные позиции, вплоть до самых высоких, нередко открывались в буквальном смысле для всех. Довольно показательна в этом плане римская история. Империя, собранная народом, вдохновленным, говоря современным языком, жестким этнонационализмом, впоследствии управлялась провинциалами-неримлянами и даже варварами. Так, например, 1000-летие города Рима праздновалось в правление Марка Юлия Филиппа, более известного как Филипп Араб.

После того как в XVIII–XIX веках просвещение и промышленная революция разбудили нации, тогдашние колониальные империи столкнулись с двумя непреодолимыми проблемами. Во-первых, не могло идти речи об интеграции всех имперских народов в единые нации. Этому препятствовали глубокие культурные и религиозные и, можно даже сказать, цивилизационные различия и этнонационализмы империообразующих народов, нередко густо замешанные на расизме. Например, англосаксы не признавали равными себе не только любых неевропейцев, но и ирландцев (шотландцев и валлийцев более-менее признавали). Во-вторых, покоренные, подчиненные народы и население колоний – при том, что немалую его часть составляли представители империообразующих народов или их потомки, – осознавали свою собственную общность и обособленность от имперских наций и начинали требовать автономии или государственности, восставать и добиваться отделения. Так рождались новые государства, новые нации. Пионерами были североамериканские колонии Британской империи.

В XX веке все колониальные империи были демонтированы. Вторая половина столетия прошла под знаком противостояния двух сверхдержав – США и СССР. Первая начинала свой путь к империи с конфедерации колоний и прошла его за полтора века. Вторая была создана на руинах разрушенной мировой войной и революцией Российской империи (которая начала формироваться с XVI века при Иване IV) как совершенно новое во всех смыслах государство, однако довольно скоро стала возвращаться к традиционной державно-имперской политике.

В обеих империях активно стимулировалось формирование имперских наций и культивировались имперские национализмы принципиально интернационального (надэтнического) характера. США считались «плавильным котлом», в СССР даже на конституционном уровне провозглашалось образование новой исторической общности людей – советского народа (слово «народ» коммунистические идеологи любили больше, чем слово «нация», а «национализм» они настойчиво нагружали сугубо негативным содержанием, хотя суть от этих терминологических игр не менялась).

США было легче – они очень молодая страна, и даже WASP⁵ не могут назвать себя коренным населением, а тех, кто мог бы, то есть индейцев, большей частью перебили, выморили, оставшихся вплоть до XX века за людей не считали. Американцы практически с самого начала установили у себя достаточно широкую цивилизационную рамку, в которую более-менее успешно вписывались практически любые выходцы из Европы, начиная от ирландцев и кончая греками. Хуже интегрировались потомки черных рабов, мигранты из азиатских стран. Проблема расизма стояла довольно остро. При этом WASP в XVIII–XIX веках, да и в первой половине прошлого столетия занимали явно привилегированное положение.

В СССР все обстояло иначе. Имперские этносы жили на своих землях столетиями. Империя Романовых никогда не была «тюрьмой народов», как это обычно утверждают левые и либеральные историки, но на многих ее окраинах мечтали об отделении и созда-

⁵ WASP (White Anglo-Saxon Protestant) – аббревиатура, популярное клише в середине XX века, обозначающее происхождение. Расшифровывается как представитель индоевропейской расы, протестант англо-саксонского происхождения. Имеет хождение преимущественно в странах Северной Америки. По смыслу выражение означает «стопроцентный американец». – *Прим. ред.*

нии собственных государств. После крушения старого порядка на карте появились как страны, вполне готовые к суверенному существованию (Польша, Финляндия потом это доказали), так и полуискусственные образования (на Украине, в Белоруссии, в Закавказье и т. д.). Последние в дальнейшем сами развалились либо были ликвидированы большевиками или интервентами, но, как говорится, осадок остался. Отдельную проблему представляла Средняя Азия, народы которой существенно отставали от остальных братьев по Союзу по всем ключевым позициям. Коммунистические правители даже в 1920-е годы (самый левый период российской истории) не могли игнорировать объективный империообразующий статус русского народа, однако, будучи сторонниками радикальной интернациональной идеологии, постоянно пытались это делать. Русский этнонационализм объявлялся едва ли не самым страшным злом, дескать, русским лучше забыть про то, что они русские, и быть просто советскими людьми. При этом этнонационализмы других народов, разумеется, официально не поощрялись, однако по факту их терпели, им создавали условия для развития, порой едва ли не на пустом месте. Всем мало-мальски крупным народам нарезали республики и при этом наиболее крупные из них уравнивали в правах с Россией (РСФСР) в рамках Союза в качестве якобы государств, имеющих право на отделение. Хотя в 1920-е годы предлагалась вполне адекватная идея «автономизации» – включения всех республик в состав РСФСР на правах автономий. Еще можно понять причины обособления Грузии или Туркестана, но к чему было создавать Белорусскую ССР, фактически насаждать украинство?

Советская имперская нация в конечном итоге полностью не сформировалась. События 1989–1991 годов исчерпывающе это доказали. Вряд ли можно утверждать, что при ставке на русификацию и «автономизацию» СССР удалось бы избежать разрушения или хотя бы существенно отсрочить его. Рано или поздно Прибалтику, Закавказье и как минимум часть Средней Азии пришлось бы отпустить. Но зато можно было сохранить украинские и белорусские земли, Крым, Донбасс, а также территории, отданные в свое время под Казахстан.

США по названным выше причинам удалось дальше продвинуться в деле формирования имперской нации. Американцы вполне получились. Другое дело, что жизнь не стоит на месте, и в последние десятилетия «плавильный котел» фактически перестал справляться с потоками легальной и нелегальной миграции, даже потомки мигрантов зачастую не становятся американцами в обычном смысле этого слова. Пошли разговоры о расколе нации, о появлении фактически «параллельной нации», основой которой выступают латиноамериканские диаспоры, в первую очередь мексиканская. Чем это кончится, предсказать трудно, но, во всяком случае, сценарии раздела США на два или три государства уже не выглядят фантастикой.

Отдельно следует сказать о Китае. Эта фактически вечная страна, много раз бывшая империей, сейчас все чаще вновь заявляет имперские претензии. Очень вероятно, что вскоре в мире действительно появится вторая империя. К числу благоприятствующих этому факторов следует относить довольно успешную национальную политику. Ханьцы, будучи государствообразующим народом, численно превосходящим все остальные народы Китая вместе взятые, не подавляют этнонационализмы последних, позволяют им воспроизводиться (в КНР создана многоуровневая система автономий). Ханьский этнонационализм выступает опорой китайского госнационализма, никому не приходит в голову их противопоставлять, они органично сочетаются друг с другом. Китайскую практику следовало бы изучать и заимствовать в разумных пределах. Сепаратистско-экстремистские настроения среди части уйгуров, тибетцев и прочих, безусловно, представляют проблему, но ее не нужно переоценивать. Даже если бы Синьцзянь и Тибет вдруг отделились, Китай все равно остался бы мощной

державой с адекватным имперским потенциалом. Хотя сейчас невозможно даже представить, что из Поднебесной кто-то вырвется.

4

Российская Федерация – не империя, но держава, в последние годы все настойчивее и успешнее реализующая свой державный потенциал. Сил на империю у нас пока нет. Возможно, мы их накопим и сумеем эффективно использовать; возможно, нет. Нужно помнить, что реализация имперского потенциала всегда зависит в том числе от международной обстановки. (Речь Посполитая в свое время очень стремилась стать империей и имела необходимые ресурсы, но ей не дали.)

Новая империя гипотетически может быть как космополитичной (сразу вспоминается чубайсовский фантом «либеральной империи»), так и как минимум совершенно лояльной русскому этнонационализму. В этой связи полемика между современными «имперцами» и этнонационалистами-«антиимперцами» относительно принципиальной совместимости империализма (имперской идеологии и политической практики) и русского этнонационализма представляется во многом искусственной и бессмысленной. Они принципиально совместимы.

Есть довольно многочисленная группа этнонационалистов-«имперцев», которые все это прекрасно понимают. Однако, к большому сожалению, они нередко тяготеют к национал-экстремизму («русская империя!») и/или православному клерикализму («православная империя»). Между тем, на мой взгляд, должно быть совершенно понятно, что единственный оптимально возможный проект, проходящий между Сциллой межэтнических конфликтов и Харибдой космополитизма, есть гипотетический проект российской империи, многонациональной (и многоконфессиональной), российской имперской нации, предполагающей обязательное признание первенства русского народа, его государствообразующего статуса и соответствующую национальную политику.

Но о какой имперской нации можно говорить, когда в настоящее время в России нет нации как таковой? Далеко не все наши люди осознают себя гражданами России. Государство, оформленное в 1991–1993 годах, не смогло убедить в своей состоятельности. Получилось не национальное государство, а «элитное», государство для элиты. При Путине ситуация стала выправляться, но процесс идет медленно, с пробуксовками и откатами, что само по себе опять же многих разочаровывает.

Это не говоря о том, что власть в нынешней России, с одной стороны, частично продолжает советскую квазиинтернациональную политику, а с другой – до сих пор иногда руководствуется леволиберальными антинациональными идеями. К русскому этнонационализму на официальном уровне все еще нередко относятся с большим подозрением или откровенно враждебно.

Между тем никакой полноценной нации и госнационализма в России не будет, пока русский этнонационализм остается в загоне. Уже напоминалось, что государствообразующий народ выступает основой и стержнем нации. Если это до сих пор никак не хотят толком признать и сделать руководством к действию, то чего удивляться, что нации фактически нет, что государство остается довольно слабым? Прекрасно известно, что наш державный статус поддерживается ядерным арсеналом (советским наследством) и огромными запасами газа и нефти (даром Господа Бога). За 15 лет мы ничего толком не сделали и не создали и гордиться можем лишь тем, что выжили в 1990-е и сейчас более-менее оклемались. Маловато будет. Но это тема для отдельного разговора.

Мне могут возразить: дескать, в европейских странах никто этнонационализмы не выпячивает, да и в Штатах WASP на божничку не ставят. Везде сплошные госнациона-

лизмы, а за излишнее педалирование этнической тематики можно и схлопотать обвинение в «фашизме» со всеми вытекающими последствиями. В действительности все сложнее. Во-первых, в какой-нибудь Дании или Польше с этнонационализмами все в порядке. Во-вторых, во Франции, Германии, Великобритании, тех же США нации давно состоялись, а в те времена, когда они еще складывались, с этнонационализмами также было все в порядке. В-третьих, только уж совсем упертые леваки и либералы будут отрицать, что масштабные кризисные явления на Западе никак не связаны с замордованностью этнонационализмов политкорректностью, мультикультурализмом и прочими «прогрессивными достижениями».

Только совсем недавно, реагируя на события в Кондопоге и запредельно наглое поведение Саакашвили, пытающегося разжечь войну, наша власть стала наконец принимать меры, к которым давно призывали все, имеющие хоть какое-то национальное чувство. Поприжала этнический криминал (пока только грузинский, правда), взяла обязательство ужесточить миграционную политику, навести порядок на рынках. Путин публично высказался о правах «коренного населения» России. Как говорится, уже кое-что. Появился повод для осторожного оптимизма.

Пора, давно пора принимать системные меры по отделению тех, для кого Россия – Родина, кто принимает российские традиции и чтит наши законы и правила, от тех, кто лишь разбойничает, хищничает и глумится. Сходным образом следует разбираться и с внутренней миграцией. Наличие российского гражданства не может быть индульгенцией беспредела. Этим решение национального вопроса, конечно, не исчерпывается. Но без подобных мер его точно не решить.

Параллельно необходимо снять табу на русскую тему в общественных дискуссиях и вывести ее из маргиналии, отобрать у национал-экстремистов. Русские люди должны иметь возможность публично заявлять: «Мы – русские!», добиваться обсуждения и решения волнующих их проблем. И не тревожиться, что всякая сволочь поднимет истерику по поводу «фашизма». В противном случае можно не только империи не дожидаться, но и страну потерять.

5

Напоследок выскажусь об одном частном (относительно темы статьи) вопросе. О двух основных течениях русской национал-экстремистской мысли: «нацистском» и национал-изоляционистском. Сразу скажу, что на соответствующих авторов и тексты ссылаться не буду, чтобы не делать им рекламу.

«Нацисты» отнюдь не обязательно воспроизводят идеологию и риторику НСДАП (адаптированную для тех, кого Гитлер считал унтерменшнами), хотя и такие тоже попадают. «Нацистскими» следует считать любые проекты по переделке нынешней России в «русское государство», ведь все они так или иначе предполагают поражение в правах нерусского населения.

Национал-изоляционисты исходят из того, что русским-де пришла пора «пожить для себя» и «сбросить с плеч» кавказцев, татар и другую «нерусь». Даже отколоть от России некую «Русь» или даже несколько «русей» («Поморию», «Казакую», «Ингрию» и прочие), не пускать туда мигрантов и жить долго и счастливо. Не скрывая ненависти ко всей имперской истории России и русских, изоляционисты обосновывают свои проекты необходимостью перезагрузки «авторитарной» московской «матрицы» государственности на «демократическую» новгородскую (либо «русско-литовскую»), расписывают прелести «многополярной Гардарики» («свободной конфедерации» русских земель). Довольно показательно, что некоторые изоляционисты пытаются реабилитировать организаторов «Локотской республики» и РОНА. Эта публика легко сомкнется, уже смыкается с нерусскими

национал-экстремистами, жалеющими, что Россия не разделила судьбу СССР, и живущими ожиданием нового шанса. До кучи сюда добавляются всякие безумные (но отнюдь не безвредные) фантазеры, вроде тех, кто на пустом месте изобретает «сибирский язык», создавая тем самым базу нового «украинства».

Если «нацисты» практически всегда «имперцы», то национал-изоляционисты проклинают империю. Опять же «нацисты», как правило, отвергают демократию и ненавидят Запад, зато некоторые изоляционисты подхватывают либеральные и западнические лозунги, рядясь в национал-демократов, даже в национал-либералов. Мол, уничтожим «эрэфию» и тогда появится шанс построить «нормальную цивилизованную страну» по европейскому стандарту. Некую «русскую Данию» или «русскую Австрию». Поэтому еще одни потенциальные контрагенты изоляционистов – западные националистические и национал-экстремистские организации и деятели, не имеющие «пунктиков» по поводу славян и непосредственно русских, «признающие» наш народ частью «цивилизованного мира». Общая повестка понятна: «борьба Севера с Югом», противостояние миграции из неевропейских стран и регионов, воинственный антиисламизм.

Обычно говорят, что «нацисты» более опасны, а национал-изоляционисты, соответственно, менее, поскольку-де идеи последних из-за своей экзотичности никогда не получают широкого распространения. Русские люди слишком любят и ценят державность, а изоляционизм (любой) и саморазделение ее полностью отменяют. Следовательно на идиотов, рассуждающих о «Гардарике» или пишущих тексты на «сибирском языке», можно не обращать внимания. В общем это так и есть, но...

Надо учитывать, что товарищи, ищущие пути дестабилизации ситуации в России, и в контексте приближающихся федеральных выборов, и в стратегической перспективе пытаются и будут дальше пытаться играть на национальном вопросе. Им интересны все, кто так или иначе способен генерировать недовольство, протест, «смущать умы». Как «паладины русской империи», так и пропагандисты «компактного национального государства». Как те, кто способен организовать многолюдный митинг, так и те, кто всего лишь строчит статейки для маргинальных сайтов и морочит головы сотне-другой праздных чудаков. Все свое дело делают. Даже если их втемную пользуют.

Возможно, мой пафос излишен, но все же. В условиях, когда в мире усиливается борьба за энергоресурсы (и не за горами время, когда ценным ресурсом станет чистая пресная вода), когда все большую силу набирает Китай, без пяти минут империя, когда чем дальше, тем больше проблем создают исламисты, когда обостряются глобальные проблемы, вызванные ухудшающейся экологией, угрозами пандемий новых болезней, массовой нищетой и перманентным голодом в десятках стран, – выступать против единства Российского государства и российской нации могут только дураки или провокаторы. И те и другие – самые настоящие враги, с которыми следовало бы поступать как с врагами. России нужно оставаться Россией, русским – русскими⁶.

⁶ Статья написана в октябре 2006 года. Первоначальная версия опубликована в «Русском журнале».

ТЕЗИСЫ О ПРАВЫХ

Словам «правое», «правый», «правые» в отечественном политическом лексиконе очень не повезло. Настолько, что их иногда используют едва ли не как ругательные.

С одной стороны, в советские времена людям вдалбливали определение правых как неприменных реакционеров, ретроградов, озабоченных борьбой с «инородцами». И силу инерции здесь не следует недооценивать. С другой, «правыми» в 1990-х годах стали называть себя некоторые либералы-западники, отстраивавшиеся от КПРФ, которую они считали левой. В 1999 году перед выборами в Госдуму была образована коалиция с названием «Союз правых сил» (СПС), позже на ее основе создали партию. При этом в эклектичной риторике СПС собственно правого было меньше всего. До поры до времени эти самозванцы пользовались поддержкой Кремля, потом их списали. Но свое черное дело они сделали, и сейчас даже вполне образованные люди позволяют себе употреблять слово «правый» как синоним «либерала». В последнее время добавилась еще одна напасть – правых стали отождествлять и с национал-экстремистами, всякой нацистствующей сволочью.

Очевидно, что на переучивание уйдет немало времени. Но дело это нужное. Долг тех, кто считает себя настоящими правыми, – вносить в него посильный вклад.

1

Со времен сокрушения традиции модерном в XVIII–XIX веках существуют три магистральных идеологии – правая, левая и либеральная. Тот факт, что они легко могут сочетаться и в убеждениях рядовых граждан, и в риториках политиков, и в идеологических установках властей, только доказывает необходимость их как можно более внятного разграничения.

2

Свои убеждения я определяю как правые. Я православный и считаю, что Православие должно иметь в России особый статус, вплоть до статуса государственной религии. Я патриот и националист. Никогда не забываю, что я русский и россиянин. Я державник, то есть уверен, что моя страна должна быть максимально самостоятельной в своей внутренней политике и максимально независимой в политике внешней, должна активно участвовать в международной политике, влиять на политику других стран. При этом я противник лозунгов вроде «Империя любой ценой» и не считаю экспансию самоцелью. Я государственный, сторонник экономического дирижизма и социального патернализма (но ни в коем случае не социализма и «государства благоденствия»). Я не могу назвать себя противником монархии, но совершенно не представляю себе, как можно реставрировать ее в России. Я отвергаю либерализм во всех его изводах и, мягко говоря, со скепсисом отношусь к современным западным представлениям о демократии и доктрине «прав человека».

«Идеологические» люди зачастую впадают в соблазн объявления собственных убеждений эталоном. И норовят укладывать остальных на своеобразное прокрустово ложе. Этот, мол, «наш», этот не вполне, а вот этот совсем «чужой», «неправильно все понимает». Очевидно, что это неверный подход. Поэтому правыми я считаю не только единомышленников, но и тех, кто исповедует отличные от моих или даже прямо противоположные убеждения.

Правый – не обязательно православный и даже не обязательно христианин. Правым может быть любой верующий человек, даже любой, кто просто допускает, что суще-

ствует нечто надчеловеческое. Отношение к статусу религии вообще или определенной конфессии также не является принципиальным.

Правый – не обязательно российский, русский патриот и националист. История, в том числе современная, знает много примеров, когда сепаратисты, национал-экстремисты ослабляли и разрушали наше государство. Правые могли быть и были как среди тех, кто ослаблял и разрушал, не считая по тем или иным причинам Россию своей родиной, так, естественно, и среди тех, кто с ними боролся.

Правый – не обязательно державник. Изоляционисты и «имперцы» также обычно правые.

Правый – не обязательно государственник, поклонник дирижизма и патернализма. Правый может быть сторонником минимального вмешательства государства в жизнь своих граждан (компактной бюрократии, низких налогов, права на свободное приобретение огнестрельного оружия). И наоборот, он может быть ультраэтатистом, то есть полагать, что «государства мало не бывает».

Среди правых есть монархисты и республиканцы, поборники демократии (с национальной спецификой и без таковой) и те, кто вполне открыто призывает легализовать олигархию (под видом «соборности» и т. п.).

3

Кого тогда считать правым? Постараюсь дать общее описание «идеального правого».

Первое. Он верит в объективную необходимость надчеловеческих ценностей, задающих рамку нормального поведения людей, коллективов, государств, то есть в принципе задающих нормы.

Второе. Он патриот и националист, причем свою принадлежность к стране (родине) и нации он считает даром свыше, служение им – долгом.

Третье. Он исходно воспринимает общество традиционалистически, то есть как органическое целое, а не просто как совокупность индивидов и их коллективов.

Четвертое. Он знает, что существуют общее благо, общий интерес, которые не сводятся к благу и интересам отдельных индивидов и любых коллективов, не выводятся из них, подобно тому, как сумма частей не дает целого.

Пятое. Он считает необходимыми формализованные иерархии (в традиционном обществе) или неформализованные (в обществе современном) и отвергает равенство как универсальный принцип общественного устройства. Это распространяется и на индивидов, и на коллективы.

Шестое. Признавая важность человеческой свободы, он не менее важным признает и ее ограничение, а также принуждение ради защиты тех самых надчеловеческих ценностей, норм, иерархий, ради общего блага и общих интересов. Ограничение свободы, принуждение охватываются понятием «порядок».

Седьмое. Он презюмирует необходимость государства как особой политической организации, выступающей гарантом общего блага, общих интересов, устанавливающей и поддерживающей порядок.

Восьмое. Он как минимум не считает прогресс, «движение вперед», «обновление» абсолютным благом, он так или иначе консервативен.

4

Как отличить правого от левого и либерала? Тут тоже необходимы «идеальные» описания.

Для «идеального левого» не существует надчеловеческих ценностей. Ценности, нормы, общее благо, общий интерес он выводит непосредственно из человека. Человек – точка отсчета, человеческая свобода – мера всего. «Идеальный левый» вовсе не обязательно последовательный атеист, но Бога согласен «терпеть» ровно до того момента, пока тот не «посягает» на человеческую свободу.

Отрицая органическую целостность иерархического общества и иерархии в принципе, «идеальный левый» заменяет их коллективизмом равных свободных индивидов и утверждает приоритет коллектива над индивидом. Таким образом получается, что свобода человека на самом деле ограничивается, но это противоречие «идеальный левый» легко разрешает, ссылаясь на то, что «личность раскрывается только в коллективе» и т. п. «Идеальный левый» считает, что государству как «главному коллективу» и одновременно как машине коллективной власти положено регулировать экономику или непосредственно управлять ею и заботиться о благополучии и комфорте граждан. Раз все люди равны, то значит, их коллективы тоже равны, следовательно, нужно защищать маленькие коллективы от больших. Отсюда исторически левая доктрина «права наций на самоопределение», любовь «идеального левого» к различным меньшинствам.

Из левизны вырос либерализм, то есть то, что еще «левее левого». «Идеальный либерал» «освобождает» индивида уже и от коллектива. Таким образом, он более последователен. Как поборник полного и окончательного освобождения, «идеальный либерал» дополняет и даже подменяет равенство равноправием. Он выступает за превращение государства в «ночного сторожа», «поставщика услуг гражданам», ратует за свободный от внеэкономических факторов рынок. Меньшинства «идеальный либерал» тоже любит, но для него скорее любой человек – меньшинство, «имеющее право».

«Идеальный либерал» и тем более «идеальный левый» не отрицают «целесообразность» порядка, однако они никогда не уравнивают порядок и свободу.

Культ человека и человеческой свободы отнюдь не исключает человекоубийства ради расчистки пути прогрессу и скорейшего установления «царства справедливости» или, соответственно, «царства свободы». Первый вообще не гуманист. Но кто за последние два столетия пролил больше крови? По-моему, это риторический вопрос.

Родина «идеального левого» там, где ему хорошо, где жизнь организована согласно его представлениям. У «идеального либерала» родины нет, поскольку она ему не нужна. Оба – интернационалисты.

5

Естественно, в жизни «идеальных», «химически чистых» правых, левых и либералов встретить можно нечасто. Одни люди сами толком не знают, чего хотят и во что верят. Другие – сознательные и последовательные эклектики. Третьи просто понимают, что жизнь сложнее любой книжной схемы, и в ней часто востребованы решения, основанные на разных идеологиях. Есть предел, переход которого автоматически исключает человека из правых (левых, либералов), но до этого предела можно и нужно идти на компромиссы, комбинировать, балансировать.

Сразу скажу, что такой предел, по большому счету, каждый устанавливает сам. По-моему, никак нельзя считать правым уверившего, что свобода есть главное и основное, что все люди равны не только перед Богом, но «всегда и везде», и т. п. Можно продолжить эту линию рассуждений, дойдя до совершенно конкретных позиций, к примеру, что правый не может положительно оценивать период 1990-х, и в частности деятельность тогдашних «реформаторов» и ее результаты.

Для человека правых убеждений необходимость принимать отдельные левые или либеральные установки, оценки исторических событий, подходы к актуальным проблемам вызвана в первую очередь тем фактом, что традиционное общество практически полностью разрушено (в «цивилизованных» странах), модерн победил, а сейчас вообще эпоха постмодерна. Альтернатива – мракобесие и романтические мечты о том, как бы «отмотать» время назад. Конечно, можно верить, что мир обязательно изменится, и в лучшую сторону, но в любом случае жить-то нужно здесь и сейчас.

К тому же невозможно не признавать полезность таких левых институтов, как, например, социальное страхование, и тем более необходимость всеобщего образования и доступного здравоохранения, также левых достижений (другое дело, что здесь нужна мера, социализм развращает людей и разоряет государства). Вряд ли кто-то сможет привести содержательные правые (именно правые) аргументы против принципиальной допустимости ограничения собственнических прав и присутствия государства в стратегически важных отраслях экономики. Между тем исходно это левые темы. Правые традиционно считаются принципиальными сторонниками низких налогов, хотя в общем это скорее актуально в отношении не российских, а зарубежных правых, боровшихся и борющихся с тамошними социальными государствами. В любом случае в современных условиях определенно следует диверсифицировать подходы. Проще говоря, чем ниже налоги частных лиц, предпринимателей, мелкого и среднего бизнеса, тем лучше, а большой бизнес должен платить большие налоги. С последним, кстати, согласятся и многие нынешние либералы.

6

Системной, я бы даже сказал, фундаментальной проблемой всех левых и либеральных проектов было и остается противоречие между совершенно объективной потребностью в рамках, в нормах и попытками формулировать их на основе человеческих («общечеловеческих») ценностей. Формулировать-то можно сколько угодно, но, как показала практика, в перспективе они практически нежизнеспособны. В итоге неизбежным оказался кризис буквально всего – государства, права, морали, нравственности. Потому что невозможно вывести из самого человека то, что будет выше его, и еще заставить человека это чтить. Иными словами, без Бога, без «высшего» в конечном счете ничего не работает. Как и без патриотизма, национализма, государственничества. А как без этого построить или хотя бы сохранять государство, да и общество в целом? Поэтому базовые правые идеи – необходимости надчеловеческих ценностей, родины, иерархий, консерватизма, порядка как противовеса свободе, и идеи, производные от них, обязательно «просачиваются» и в левые, и в либеральные проекты или прямо востребуются. Вначале их пытаются просто технологически использовать, но затем они неизбежно отвоевывают место и себе, и своим носителям. Так было и будет.

7

Перейдем теперь к практике. Артикулировать общественные интересы в принципе призваны партии и другие политические организации. Уже давно прошли те времена, когда партии были более-менее идейно чистыми (здесь я не имею в виду практическую деятельность партийных лидеров на государственных постах, речь идет именно о партийных идеологиях и тем более риториках). Современные партии в самом прямом смысле всеядны, поскольку стремятся заинтересовать как можно больше избирателей. Постиндустриальная социальность и новые коммуникации задают новый тип политических предприятий. Как писал Михаил Афанасьев, «партия из стабильной организации (...) превращается в интер-

активный PR-проект, который задумывается, продвигается и переформатируется в зависимости от конъюнктуры политического рынка».

Очень показателен в этом плане опыт современной Европы. За редкими исключениями, все крупные влиятельные партии предлагают избирателям риторические «миксы» из правых, левых и либеральных идей. Порой трудно даже выявить, какой компонент доминирует. И чем дальше, тем больше нивелируются не только идейные различия, но и подходы к решению актуальных проблем.

Россия в этом плане не исключение, хотя на нашем политическом рынке различия между условно «левыми» и условно «либералами» более заметны. Уникальны мы в другом плане: у нас нет не то что правой партии, нет даже условно «правой».

8

Это тем более удивительно, если учесть два очевидных факта.

Во-первых, в России много правых. У нас много патриотов и националистов. Много государственников. Много державников и империалистов. Много тех, кто ценит порядок не меньше, а то и больше свободы. Много и тех, кто считает государство не «человеческим учреждением», призванным что-то обеспечивать, и уж тем более не «службой», но «хозяйном» и «начальником» (отсюда, в частности, отношение к высшей власти как к «царской», по поводу чего либералы исходят желчью). Люди уверены, что так «было, есть и будет», не людьми установлено и не людьми будет изменено. Логически следующая из этого «надчеловечность» не всеми формулируется, но она, если угодно, осознается на подсознательном уровне.

Во-вторых, еще в 1990-е годы в обществе обозначился правый тренд. Это проявлялось и в росте патриотических и националистических настроений, и в требованиях наведения порядка и «восстановления государства».

Вначале тренд был «одним из», но к концу десятилетия стал едва ли не доминирующим. Его пытались интерпретировать как «постсоветский», «постимперский» синдром, но поскольку он не слабеет, явно имеет место более глубокое и долгосрочное явление. Не все в нем конструктивно, национал-экстремизм тоже входит в «пакет». Но тут ничего не поделаешь. Надо просто, что называется, секатором подрезать.

Я уверен, что доля правого электората сейчас совокупно составляет никак не меньше 30–35 процентов. Но проблема в том, что в действительности многие наши правые или «правые с левым уклоном» самоопределяют себя как левых или вообще никак не самоопределяют. Здесь играет немалую роль и наследие 74 лет коммунистической власти, культивировавшей гибридный лево-правый патриотизм, лево-правое государственничество, и дискредитация слова «правые» в наше время – об этом, впрочем, уже говорилось в самом начале.

Еще одна проблема – раскол правого электората. Есть правые, настроенные «протестно» по отношению к действующей власти. Есть правые лоялисты, считающие власть достаточно правой или правящей, и те правые, которые просто поддерживают власть даже вне зависимости от соответствия ее риторики и политики их убеждениям.

Первые или не голосуют, или выбирают оппозиционные и квазиопозиционные лево-правые партии: КПРФ, «Родину», в последнее время к ним добавилась Российская партия пенсионеров (РПП) и другие. Официально объявляя себя левыми, они активно используют правые лозунги, то есть по факту это лево-правые партии. Возьмем КПРФ. Сама себя она идентифицирует как правопреемницу не только КПСС, но даже РСДРП(б) и постоянно выдвигает социальные требования, обернутые в марксистско-ленинскую фразеологию. Однако при этом Компартия также постоянно провозглашает в качестве своих ценностей державность, государственность, русскую историю, патриотизм, даже православие. Ленина

бы стошнило от такого «черносотенства». Особняком стоит ЛДПР. В риторике Жириновского круто перемешаны обрывки и левых, и правых, и либеральных идей. Публично он себя левым не позиционирует. И, к счастью, он не объявляет себя и правым.

Кстати, именно ЛДПР первой оседлала правый тренд еще в 1993 году. В дальнейшем его довольно успешно эксплуатировала КПрФ, пока в 2003-м часть правых «протестников» не перетянула «Родина».

Число правых лоялистов в начале 1990-х, безусловно, было невелико. Но с ними пытались работать еще в ходе президентских выборов 1996 года. Некоторые ельцинские лозунги были явно на них рассчитаны. По-настоящему за правых взялись в 1999 году две партии власти – «Отечество – Вся Россия» и «Единство». И вполне успешно. За них проголосовали многие «протестники». Путин в 2000 году избрался как «президент порядка», консолидирав примерно не менее двух третей всех правых голосов. Его восхождение к власти обеспечила вторая чеченская война, борьба за целостность страны. А в 2003–2004 годах триумфу «Единой России» и убедительной демонстрации президентского могущества способствовало «дело ЮКОСа» – показательный разгром олигархической группировки, обвиненной в том числе в подготовке реставрации порядков 1990-х годов. Правые не могли этого не оценить. И риторики правой тогда более чем хватало. Многие смеялись по поводу известного призыва сделать Россию единой и сильной. Действительно, он довольно кондовый. Но при этом он правый.

9

Если судить по риторике власти – официальной и неофициальной, транслируемой через приближенных экспертов и СМИ, – **она явно правее**. Естественно, в полном смысле правой она не станет, но сам этот процесс нельзя не приветствовать. Отказа от «либерального проекта» 1990-х пока не предвидится, хотя он радикальным образом скорректирован. (Дошло до того, что слово «либерализм» и производные от него практически полностью исчезли из кремлевского политического лексикона или же используются в сугубо негативном контексте.) Хоронить проект Ельцина – Гайдара – Чубайса придется (если, конечно, придется, здесь ничего не предопределено) тем, кто окажется у власти не раньше 2012–2016 года. Тут надо быть реалистами и требовать невозможного. Смена политического поколения раньше не произойдет, а среди нынешнего много правяющих «постлибералов», но правых крайне мало.

Понятно, что на выборах 2007–2008 годов правая риторика будет активно транслироваться и всеядной «Единой Россией», и всеми остальными мало-мальски серьезными партиями. И несерьезными тоже. Также понятно, что отдельной правой или право-левой (позиционирующейся именно как правая партия и использующей некоторые левые лозунги), скорее всего, не будет. Теоретически ее можно было бы сделать из «Родины», предварительно задвинув или вообще вычистив из нее леваков вроде Шейна и выведя на первый план Нарочницкую. Еще можно было бы реанимировать Народную партию России, тем более что до фактического «закрытия» в ходе думской кампании 2003 года она подавалась как вполне себе правая. В конце концов, можно было бы новую партию создать. Но, повторяю, похоже, что ничего этого не будет. Практически весь кремлевский ресурс уйдет на единороссов.

Откуда же тогда возьмутся правые для 2012–2016 годов? Правые политики? Они есть, они подрастают. Есть люди в «Единой России», есть в «Родине», есть у коммунистов. Кто-то пока блуждает во всяких маргинальных структурах, кто-то ходит в «молодых политиках», кто-то вообще еще к политической деятельности не приступал.

Оптимизм внушает тот факт, что только на правом идеологическом направлении сейчас кипит жизнь. Ведутся содержательные дискуссии, выходят десятки статей и книг. Пра-

вые постепенно, но неуклонно оккупируют позиции в государственном пропагандистском аппарате, получают все больше трибун и эфира. Либералы из-за невостребованности впали в тяжелейший кризис, у них осталось три темы: «кровавая гэбня», «скоро упадут цены на нефть» и «Запад нам поможет». Это не идеология и даже не риторика. Это ругань, никому особо не интересная. Они, правда, сохраняют влияние в экспертной среде, но это другое. У левых ситуация получше, однако ненамного. Никакой вменяемой альтернативы марксизму-ленинизму или по крайней мере его актуальной версии для российского потребления они не наработали («карамурзайство» не в счет, естественно). Что-то переводят из западных леваков, что-то у них же списывают. Все, что идет на публику, у той же КПРФ – по содержанию лево-правое.

И вот вопрос. Сейчас власть определяет политическую повестку и контролирует политический процесс. На кого она в большей степени ориентирована сейчас и явно будет ориентироваться дальше? У кого она будет черпать новые идеи? И как эти идеи повлияют на нее? Кого она будет привлекать? И кому за ней наследовать?

У меня нет сомнений, что и «Единая Россия» будет праветь. И, возможно, достаточно сильно. Но и отдельная правая (право-левая) партия должна будет появиться. Современная, мобильная, «интерактивная». Это диктует и логика структурирования политического рынка, и логика дальнейшего ослабления коммунистов, и тот факт, что никакая партия власти никогда всех правых не консолидирует.

Все приходит к тому, кто умеет ждать. Правые умеют⁷.

⁷ Статья написана в июне 2006 года. Первоначальная версия опубликована во «Взгляде».

К ЮБИЛЕЮ НАЦИОНАЛЬНОГО ПОЗОРА

90-летняя годовщина Февральской революции провоцировала экспертов на спекуляции различной степени адекватности и ангажированности. Чаще всего обсуждались два вопроса: как следует относиться к этому событию, и возможно ли его повторение, хотя бы в каком-то сокращенном варианте?

Февральская революция – едва ли не самое позорное событие российской истории. С нею может «конкурировать» только принятие власти Лжедмитрия в 1605 году или призыв «семибоярщиной» на царский трон польского королевича Владислава в 1610-м, за которым последовала оккупация Москвы.

Российская империя к 1917 году находилась в состоянии глубокого кризиса. Царский режим обнаружил неспособность разрешить целый ряд острых социальных и политических противоречий, дестабилизировавших государство еще с конца XIX века. Объективные проблемы усугублялись субъективными: правивший с 1894 года император Николай II был человеком нерешительным, склонным к фатализму и к тому же совершенно не умеющим разбираться в людях. За редким исключением, его всегда окружали ничтожества, а то и откровенные враги. В 1905–1906 годах произошли события, сложившиеся в неудавшуюся революцию, – царизм тогда устоял, однако открывшиеся затем возможности для реформирования и укрепления власти не были реализованы и наполовину.

Зато в 1914 году Россия оказалась втянутой в мировую войну вопреки своим стратегическим интересам и в условиях неготовности вооруженных сил к затяжной военной кампании. Неудачи на фронте провоцировали широкое недовольство режимом, репутация которого и так серьезно страдала из-за распутищины. Это недовольство всячески раздували всевозможные оппозиционеры, начиная от сторонников конституционной монархии и кончая радикалами, часть из которых по масонским или шпионским каналам была связана с правящими кругами зарубежных держав, получала от них поддержку и действовала в их интересах. В 1915 году большинство депутатов Госдумы объединились в так называемый Прогрессивный блок (октябристы, кадеты, националисты), потребовавший в первую очередь передать думцам контроль над правительством. Император демонстрировал бессилие унять тех, кто бросал ему вызов, кто строил планы свержения его самого или монархии вообще, кто публично обвинял императрицу в измене. Воли хватало только на то, чтобы дважды отправлять Госдуму на каникулы, при том что параллельно в угоду депутатам совершались кадровые «жертвоприношения».

Я несколько не симпатизирую Николаю II как правителю. Ясно, что в перспективе его следовало отстранить от власти и провести глубокие политические реформы. Но именно в перспективе, никак не раньше чем после окончания войны. Любая радикальная реформа, а тем более революция всегда как минимум влечет временное ослабление государства. А если оно в это время воюет – ослабляет существенно и, конечно, резко увеличивает вероятность поражения. Поэтому единственным правильным выходом в 1915–1916 годах была жесткая зачистка оппозиции (тем более что она постоянно давала поводы, открыто занимаясь подрывной деятельностью), выдвижение на ключевые посты решительных людей, не боящихся испачкать руки, введение режима чрезвычайного управления хотя бы в отдельно взятых Петрограде и Москве и консервация царистского режима и власти Николая II. Возможно, что подобные меры сами по себе бы спровоцировали революционные выступления. Но даже в начале 1917 года у режима было более чем достаточно силовых ресурсов для подавления бунтов. Малое кровопускание упредило бы большую кровь...

Вместо этого Николай II дождался, пока антигосударственная агитация сольется со слухами об угрозе продовольственного кризиса в Петрограде и создастся революционная ситуация. 23 февраля начались митинги и стачки, быстро переросшие в самый настоящий бунт, к которому постепенно присоединились находившиеся в столице войска. В целом он носил стихийный характер, но оппозиция сумела его частично оседлать. Царь поначалу пытался что-то делать, даже выслал войска для подавления бунта, но быстро опустил руки. Последовала цепочка предательств среди высшего генералитета, спровоцированная в том числе пассивностью царя. В конечном счете группа либеральных деятелей и примкнувших к ним генералов без особых усилий добилась от него даже большего, чем планировала. Они собирались продавить только учреждение «ответственного правительства» и передачу власти цесаревичу Алексею с назначением регентом великого князя Михаила. Однако Николай не только согласился на создание правительства, ответственного перед «представителями народа», назначил премьером кадета Львова и подписал собственное отречение, но и отрекся за своего наследника Алексея в пользу Михаила. Лидеры левых (трудовиков, меньшевиков), непосредственно в переговорах не участвовавшие, выступали против сохранения монархии в любом виде, но тогда их позиции еще были недостаточно сильны. Тем не менее Михаил 3 марта, поддавшись их давлению, даже не отрекся, а отказался от власти, указав, что будущее устройство власти в России должно определить Учредительное собрание.

Историки любят подчеркивать, что в те дни как-то защищать царизм пыталось буквально считанное число людей. Церковь(!), великие князья(!!!), аристократия, чиновничество, военные и прочие откровенно «сдали» своего государя. Однако в этом нет ничего удивительного, ведь в предыдущие годы Николай II сделал буквально все, чтобы дискредитировать себя и деморализовать монархистов. К тому же многие исходили из того, что дело ограничится отречением Николая. А когда Михаил своим решением полностью вверил судьбу страны в руки «учредилки», было уже поздно.

Безвольного царя и его бестолковых министров сменила камарилья революционных вождей, первым делом полностью отстранившая от власти... Госдуму. Царь успел приостановить ее деятельность своим указом от 26 февраля, а новая власть предпочла этот указ исполнить. 2 марта в результате договоренностей Временного комитета Госдумы и Исполнительного комитета Петроградского совета было создано Временное правительство (его и возглавил Львов), фактически не ответственное ни перед кем и не регламентированное никакими нормами. Все эти «органы власти» по сути являлись сборищами самозванцев и узурпаторов, утверждавших, что их «избрала революция».

В этой связи утверждения о том, что в феврале 1917 года Россия стала демократическим государством, вызывают по меньшей мере смех. Революционная власть практически никогда не бывает легитимной, на то она и революционная. Легитимная власть отнюдь не всегда демократическая (не всегда опирается на народное волеизъявление). Однако «нелегитимная демократическая власть» – это нонсенс.

В ответ на это поклонники «февральской демократии» могут сослаться на запланированные выборы в Учредительное собрание (в преддверии которых, кстати, Временным правительством было принято решение о роспуске Госдумы) и разработку и принятие конституции. Правильно, надо говорить им, какая-то демократия теоретически могла получиться по итогам этих процессов. Только по итогам этих процессов. А до этого – извините. Самозванцы и узурпаторы, как и было сказано.

Истории известно немало примеров, когда революционеры или военные лидеры оказывались успешными строителями и переустроителями

государств, в том числе демократических. Это, увы, другой случай. Даже в способность «февралистов» установить какую-то работоспособную демократическую систему поверить невозможно. Потому что они, разжигая в 1915–1916 годах революционный пожар, вовсе не рассчитывали на столь скорую и столь крупную победу и не готовились брать огромную историческую ответственность. Уселись править и управлять, не имея сколь-либо проработанных планов и программ реформирования России, в том числе политического реформирования. И в принципе не обнаружили никаких способностей к созидательной деятельности. Их хватило только на то, чтобы практически полностью уничтожить старый властный аппарат, развалить фронт и тыл и ввергнуть Петроград, а за ним всю страну в пучину революционного хаоса, беззаконных буйств отвязавшейся черни и уголовного беспредела.

Уже через несколько месяцев после падения монархии по итогам череды кризисов и волнений в Петрограде ключевые фигуры либеральной кадетско-октябристской группировки (Львов, Милюков, Гучков) были выдвинуты из Временного правительства, контроль над ним перешел к эсерам и меньшевикам, верховодившим в Советах. Начала оформляться опереточная диктатура нового премьера эсера Керенского, наплевавшего и на волю Михаила, и на будущее Учредительное собрание и 1 сентября провозгласившего Россию республикой. И он, и либералы носились с идеями настоящей военной диктатуры, заигрывали с генералами. Появился претендент в «русские Бонапарты» – Корнилов.

А потом пришли большевики, у которых было для начала все в порядке с политической волей. И мало не показалось никому. Но это уже тема для отдельного разговора.

Николай II принял вместе со всей своей семьей мученическую смерть (в этом косвенно повинны «февралисты», арестовавшие бывшего царя и его семью, хотя никакой политической необходимости в этом не было) и этим искупил свою историческую вину за Февраль. Печально, что многие революционеры, в частности такие подонки, как Милюков и Керенский, благополучно удрали из страны и не понесли никакого наказания.

Что же касается перспектив повторения Февраля...

Во-первых, в некотором смысле (но только в некотором) он уже повторялся – в 1990–1991 годах, когда рушился и разрушился созданный большевиками СССР. Конечно, Горбачев, а затем группа его бывших соратников (ГКЧП) проявляли больше воли к сохранению своей власти и государства, чем Николай II. Да и Ельцин никого из «февралистов» нисколько не напоминал. Зато его тогдашние временные союзники, объединенные в коалицию «Демократическая Россия» (впоследствии разбежавшиеся в «Яблоко», «Демократический выбор России» и т. д.), – в массе прямые продолжатели и идейные потомки леволиберальных клоунов 1917 года. И они этим родством гордились и гордятся. Явлинский прямо назвал себя «наследником Февраля». Правда тот сброд, занимаясь антироссийской деятельностью, активно использовал патриотическую риторику. А некоторые, разнося государство по кусочкам, вполне искренне считали, что для Родины стараются. Многие же представители «демократической» тусовки 1990-х, напротив, прославились демонстративной смердяковщиной и «патриотизмом за границы». В 1991–1993 годах «демократы» плотно облепили власть, обсели медиа, забились во все более-менее статусные и доходные местечки. В тогдашнем повсеместном бардаке явно чувствовался гнилой запах Февраля. Их основательно «зачистили» в последние годы, но все же не до конца.

Во-вторых, эта самая «остаточная инфекция» сейчас накануне федерального избирательного цикла вылезла фурункулом «Другой России», идеологи которой содержательно вполне по Милюкову и с керенской истеричностью мутят и путают людей, обвиняют власти в предательстве национальных интересов, всеобщем разорении, тотальной коррумпирован-

ности, развале армии и прочих нехороших вещах. Позитивная программа отсутствует, как и положено. И, по большому счету, никто всерьез и не собирается свергать власть и строить ту самую «Другую Россию». Для кого-то вся эта борьба – бизнес, кто-то просто нашел себе заделье или fun. Хотя вдруг выпади им завтра шанс порулить – не дай Бог! – с радостью возьмутся и наворотят такого, что Львов покажется Иваном III. Но не выпадет. Россия еще не восстановилась после лихолетья 1990-х, однако есть масса позитивных сдвигов. Власть за последние годы укрепилась достаточно, так что никаких неожиданностей в обозримой перспективе не ожидается. Пусть простит меня редактор: силой власти власть удержит власть⁸.

⁸ Статья написана в феврале 2007 года. Первоначальная версия опубликована во «Взгляде».

Глава II АПОЛОГЕТИКА

КРЕМЛЕВСКАЯ ДОКТРИНА

В конце февраля был обнародован текст лекции, прочитанной Владиславом Сурковым слушателям Центра партийной учебы и подготовки кадров «Единой России»⁹. Однако до сих пор он не получил адекватной оценки ни в прессе, ни у профессиональных политологов. Между тем даже после беглого знакомства с лекцией становится ясно, что ее значение выходит далеко за рамки выступления одного из руководителей государства. По сути это свод идеологии власти, идеологии режима.

1

Сурков уже почти шесть лет в качестве замруководителя администрации Президента отвечает за внутреннюю политику в стране, в частности за Госдуму, «Единую Россию» и прочие партии, избирательные кампании. Именно он направляет и координирует всю борьбу с «революционной» угрозой. Именно им в прошлом году был реализован целый комплекс мер, с одной стороны, не позволивший «партии революции» преодолеть внутренние разногласия и трансформироваться в широкую антипутинскую коалицию, а с другой – мобилизовавший лоялистские и антиреволюционные силы.

Чтобы правильно понимать Суркова, нужно знать его персональную историю. В 1990-е годы он сделал карьеру корпоративного PR– и GR-щика, долго работал в структурах группы Ходорковского (МЕНАТЕП, Роспром), потом трудился в Альфа-Банке и на ОПТ. В 1999 году Сурков перешел в администрацию президента в помощники к Волошину и очень скоро был назначен его заместителем. Крупные перетряски в 2003-м (после ухода Волошина), и в 2004-м (после перевыборов Путина) только укрепили его аппаратные позиции. У него нет никакого питерского background, зато, как уже сказано, есть олигархический, причем будь здоров какой. С такими анкетными данными не просто удерживаться в путинском Кремле, а шаг за шагом усиливаться мог только эксклюзивно эффективный человек. Незаменимых не бывает, но некоторых очень трудно заменить.

Многие из тех, с кем Владислав Юрьевич когда-то начинал, годами вместе работал, теперь его злейшие враги. Они убеждены, что Сурков был и есть такой же, как они, «человек 1990-х» с проектно-технологическим мышлением, который просто конъюнктурно подстроился, просто служит очередному хозяину. Можно выразиться политкорректнее: он-де принял самое активное участие в установлении новых правил игры и сам по ним играет. А типа что у него в душе – на то она и потемки.

Мне же представляется, что Сурков есть пример, причем очень показательный и важный, «перековки» того самого «человека 1990-х» в «человека 2000-х». Да, естественно, он прекрасно владеет проектно-технологическим мышлением. И вряд ли можно питать иллюзии по поводу того, чем он занимался в том же Альфа-Банке. Но после победы Путина он не просто остался в администрации (там до сих пор на разных постах сидят деятели, давно уже ничего не решающие, просто «заслуженные люди» или «друзья друзей»), а принял самое активное участие в выстраивании нового режима. Путинский режим основан на элитном консенсусе ради установления и поддержания порядка. Такой консенсус, тем более в российских условиях, предполагает сплочение элиты вокруг государства, персонифицированного в фигуре первого лица. Вначале сугубо формальное укрепление государства в конечном счете неизбежно оборачивается фактическим. Само по себе сплочение вокруг государства

⁹ Лекция была прочитана Сурковым 6 февраля 2006 года. Ее текст размещен на сайте «Единой России» (<http://www.edinoros.ru/news.html?rid=3081&id=111148>).

неизбежно влечет своего рода «огосударствление» сознания, его «патриотизацию». И, с учетом неизбежной ротации элиты, ключевые позиции достаются или сохраняются за теми, кто наиболее «огосударствился» и «патриотизировался».

К тому же Сурков еще до прихода в Кремль начал развивать у себя идеологическое мышление. Это признают те, кому доводилось общаться и работать с ним в 1990-е годы. Я сам знаю многих PR-щиков и политконсультантов, которые со временем пришли к пониманию, что одними проектами и технологиями обходиться невозможно, что нужно развивать идеологию, причем идеологию государственническую. А идеи – даже если ты изначально к ним обращаешься в сугубо прикладных целях и не собираешься принимать близко к сердцу – легко могут тебя захватить. И очень сильно изменить. Кто сказал, что это все не про Суркова в том числе?

Конечно, попытки формулировать какие-то государственнические идеи не раз предпринимались и в ельцинское время. Но при тогдашней соревновательной олигархии они были обречены на неудачу. При новом режиме стали открываться качественно иные возможности.

До 2004 года Сурков лишь дважды выступал публично. Первый раз в 2000-м, когда дал интервью «Коммерсанту», расцененное некоторыми комментаторами как «черная метка Березовскому»¹⁰. Второй – в 2003-м после думских выборов. Интерфаксу он тогда объяснил, что «Яблоко» и СПС теперь в прошлом. Также в 2002 году пресса обсуждала подробности его выступления перед активом единороссов, в котором он критиковал их за отсутствие амбициозности. Правда, оно было закрытым и стенограмма официально не публиковалась. Тогда, видимо, считалось, что для идеологического обеспечения вполне достаточно президентских посланий и прочих выступлений, официальных документов «Единой России», заявлений ее лидеров и т. п.

Однако Путин как глава государства, как «царь», обычно обращается ко всем россиянам, поэтому идеи им подаются в максимально сжатой и упрощенной форме и перемешиваются с презентациями практических инициатив, оценками текущих событий и прочим. А партию власти общественное мнение нередко воспринимает как несамостоятельного субъекта, к тому же единороссы практически никогда не озвучивают ничего по-настоящему оригинального, прорывного, и все к этому привыкли.

Для политически активной части общества нужен был отдельный канал, причем имеющий априорный статус первоисточника, через который можно было бы получать подробные разъяснения позиции власти по ключевым вопросам, если угодно, идеологические установки.

В 2004 году Кремль инициировал крупную реформу системы власти в стране – отмену прямых выборов региональных глав и выборов думцев в одномандатных округах. Этот радикальный шаг объективно требовал не только обычного PR-сопровождения, но и идеологического обоснования. А вскоре обозначилась угроза попытки устроить в России «революцию» по грузино-украинским лекалам, начались разговоры о формировании «объединенной оппозиции», которая выдвинет в том числе «общедемократические» лозунги, получит финансирование от зарубежных правительственных и неправительственных структур и бросит вызов Кремлю в ходе выборов 2007–2008 годов. После Майдана все окончательно убедились, что политическими технологиями можно не только выборы выигрывать и репутации уничтожать, но и имитировать революцию. И что противостоять этому безобразию надлежит не только применяя административный ресурс и все те же политические технологии, но и формулируя внятную идеологию.

¹⁰ Коммерсант. – 2000. – 17 июля.

Совершенно логично, что Сурков оказался здесь на переднем крае. И с осени 2004 года¹¹ он начал регулярно обращаться к элите и интересующимся политикой интеллектуалам (некоторые его выступления носили закрытый характер, но их стенограммы потом попадали в СМИ). А в своей февральской лекции свел все идеи, выдвинутые Путиным и его окружением, в единую доктрину.

Сразу скажу, что лично мне в ней близко не все, с некоторыми тезисами я не согласен. И дальше постараюсь объяснить, с какими и почему. Однако нельзя в принципе не приветствовать, во-первых, уже сам факт появления этой доктрины, во-вторых, изначально заявленное желание «объяснить» не только российское настоящее и ближайшее будущее, но и новейшую историю.

2

Исходный теоретический тезис Суркова, прежде уже озвученный Путиным в последнем Послании Федеральному Собранию, – **Россия есть часть европейской цивилизации.**

Наш народ вместе с остальными европейцами всегда в первую очередь стремился к свободе, справедливости и материальному успеху. То, что Россия исторически есть часть Европы, совершенно бесспорно. Разумеется, можно поспорить относительно перечня общих ценностей, в частности о том, исчерпывается ли он названными тремя. Очевидно также, что современная Европа и современная Россия при единых корнях и тех же общих ценностях все же имеют серьезные различия. В частности, идею личной свободы человека в России не воспринимают как абсолютную и, хочется надеяться, никогда не будут так воспринимать. Она как минимум корректируется идеей порядка, то есть необходимого ограничения свободы. Впрочем, нельзя не обратить внимания на то, что реалии и достижения «нероссийской Европы», в первую очередь, естественно, Западной, по Суркову, не эталон, которому нужно непременно соответствовать, а лишь именно реалии и достижения. А у нас – свои реалии и достижения. Тоже европейские. По-моему, очень правильная мысль.

Другой исходный тезис – **демократия есть достижение общеевропейского прогресса:** распространения знаний, развития массовых коммуникаций и т. д. «От принуждения общество постепенно переходит к технологиям убеждения, от подавления – к сотрудничеству, от иерархии к сетям горизонтальных связей». Если понимать под демократией комплекс правовых и политических институтов, призванных обеспечивать гражданам определенный набор личных, политических, экономических и прочих прав и свобод, участие всех желающих граждан в управлении государством, учет их интересов и мнений при выработке, принятии и реализации государственных решений, то это даже не общеевропейское, а общемировое достижение. И сам Сурков далее говорит, что «баланс современной цивилизации смещается в сторону умения убеждать и договариваться, с тем чтобы как можно большее количество людей осознанно принимало то или иное решение и, по возможности, добровольно» и «нельзя себе представить современное общество (...), которым можно просто командовать, ничего не объясняя». Любое государство, достигнув определенного уровня развития, начинает использовать демократию, соответствующим образом отформатировав свои институты.

Вспомним, кстати, еще раз последнее послание Путина. Он заявил, что Россия «сама встала на этот (демократический. – *В.И.*) путь и (...) сама будет решать, каким образом – с учетом своей исторической, геополитической и иной специфики – можно обеспечить реа-

¹¹ 28 сентября 2004 года было опубликовано его интервью «Комсомольской правде» (<http://www.kp.ru/daily/23370/32473>).

лизацию принципов свободы и демократии. Как суверенная страна, Россия способна и будет самостоятельно определять для себя и сроки, и условия движения по этому пути».

И, наконец, третий исходный тезис, с которым невозможно не согласиться. «Демократическое общество (...) сверхидеологизировано, куда более идеологизировано, чем тоталитарное (...) Поскольку там, где сила силы убывает, там возрастает сила слова».

3

От теории Сурков перешел к новейшей истории. Он разъяснил, почему «Советский Союз не заслуживает какого-то огульного осуждения». Во-первых, СССР успешно вел идеологическую работу в планетарном масштабе, и, несмотря на все издержки, невозможно отрицать ни длительную популярность советского проекта у западных интеллектуалов «самого демократического толка», ни его стимулирующее влияние на гармонизацию социальных отношений в странах Запада и ликвидацию колониальной системы. Во-вторых, советская индустриализация создала огромную материальную базу, которая досталась нам в наследство. Тут, кстати, можно было еще сказать о масштабных социальных и культурных инновациях, произведенных при советской власти (обеспечение всеобщей грамотности, а потом – всеобщей доступности высшего образования и т. д.).

В другой части лекции Сурков напомнил и о победе СССР в Великой Отечественной войне, которая сделала его одной из мировых держав, что было формализовано в статусе постоянного члена Совбеза ООН. Этот статус Россия также унаследовала. Нельзя плевать в колодезь, из которого пьешь.

Вместе с тем Сурков считает, что советское общество «вряд ли можно назвать свободным или справедливым». Видимо, поскольку подобная точка зрения, мягко говоря, не близка очень многим (по разным причинам), он не стал на ней подробно останавливаться. Зато им выставлена точная оценка состояния элиты в позднем СССР – «в один из самых драматических моментов развития Советского Союза» на самом верху оказалась «малообразованная и мало отдающая себе отчет в своих действиях группа товарищей». Номенклатурный механизм формирования элиты дал фатальный сбой. Еще одна принципиальная констатация: советская система не могла обеспечивать гражданам достойный уровень жизни. (Пусть не по всем позициям, но по многим и лишь в последние десятилетия. – В.И.) А общество этого требовало. «Ну и кому нужна была такая империя, которая не могла дать своим гражданам ни хлеба, ни зрелищ?» Жаль, что Владислав Юрьевич не остановился на системных пороках советской национальной и федеративной политики, при первом же серьезном ослаблении центральной власти обернувшихся эскалацией этнонационализма и сепаратизма в союзных и автономных республиках. Тогда его описание кризиса СССР было бы более полным.

Президент в последнем послании назвал крушение СССР «крупнейшей геополитической катастрофой века». Сурков высказался по этой теме подробнее. Он считает, что в определенный момент наш народ увидел, что в «поисках свободы и справедливости» зашел «не туда». И тогда он якобы вспомнил о своем общеевропейском пути, а также о демократических ценностях, которые декларировались в советских конституциях (можно добавить – в программах КПСС и выступлениях советских вождей). Иными словами, люди захотели получить то, о чем им постоянно твердили, но не давали. И упразднили СССР. Сами выбрали свою судьбу. Без всякого внешнего участия. Невозможно обойти здесь вопрос последствий. И Сурков говорит: «Потеря территорий, потеря населения, потеря огромной части нашей экономики – это жертва, это цена. И невозможно сказать, какая она, большая или маленькая, но это то, что наш народ более или менее осознанно заплатил за выход на верный путь».

Здесь согласиться я не могу.

Во-первых, СССР разрушался своей элитой и народом, которые зачастую совершенно не ведали, что творят. И не столько руководствовались какими-то конституционными декларациями, сколько накручивали себя мифами о западном благополучии. Грубо говоря, люди хотели джинсы и жвачку, а «демократию» понимали как их синоним. Элиты Запада одобряли происходившее и помогали рушить советскую систему изо всех сил. Это не «теория заговора», это правда.

Во-вторых, путь, выбранный тогда, был не столько «верный», сколько единственно возможный в сложившейся ситуации.

В-третьих, уплаченная цена – огромна, жертва – колоссальна. Об этом невозможно забыть.

Сурков старается «примирить эпохи». И это правильно. Но все сгладить не получается и не получится. Следует просто признать, что СССР был обречен. СССР разрушили. Мы сами, но не без внешней помощи. С какой стороны ни посмотри – это была трагедия.

4

По Суркову получается, что крушение СССР было следствием банкротства советского проекта, неспособности тогдашней элиты найти адекватные ответы на вызовы времени и общего народного недовольства. Новый российский проект в идеале предусматривал строительство более свободной, более справедливой и более богатой страны, установление настоящей демократии через возвращение на европейский путь. Но его реализация уперлась в проблемы, порожденные разрушением советской системы, преодолеть которые оказалось непросто. Из-под развалин СССР Россия выбралась сильно ослабленной, и ей пришлось еще долго болеть. Пришлось пережить еще один неизбежный кризис.

О периоде 1990-х Сурков высказался великолепно. Я просто процитирую несколько его тезисов, которые не нуждаются ни в каких комментариях, кроме одного: именно так все и было. «Государственная власть везде отступала, это было бессистемное бегство от ответственности. Даже провозглашалось, что государство есть зло. Сейчас мы просто это забываем, но на полном серьезе декларировалось, что чем меньше государства, тем лучше. А сведи его к нулю, так вообще станет все хорошо».

«Глубина экономического падения вам известна: у нас фактически наполовину рухнул валовой продукт».

«Внешние заимствования, оправдать масштаб которых очень трудно даже сейчас. И даже издавая, уже анализируя, почему так много занимали, и зачем занимали, и зачем были нужны краткосрочные и столь дорогие заимствования, непонятно. Но зато приходилось ежегодно утверждать наш федеральный бюджет в МВФ. Фактически страна была на грани потери государственного суверенитета».

«Приватизация, в целом явление благотворное, в ряде случаев делалась по странным схемам, и, конечно, очень трудно и практически невозможно никому объяснить, чем были залоговые аукционы. Ясно, как кто-то справедливо заметил, это было назначение группы товарищей миллиардерами, то есть вас вызывали и говорили: „Ты назначаешься миллиардером“».

«Свобода слова тоже имела особый смысл: ведущие телеканалы стали оружием в руках известных олигархических групп и большей

частью использовались для вышибания новых объектов госсобственности и участия в разделе таковых».

«В федеративных отношениях царил хаос (...) Некоторые субъекты определяли себя как суверенные государства, ассоциированные с Российской Федерацией (...) Апофеоз центробежных настроений – мятеж в Чеченской Республике, поднятый шайкой уголовников...»

Завершает эту жуткую картину настоящий афоризм, который, уверен, теперь не раз будут цитировать: «...если это есть свободное и справедливое общество, то что же такое тогда Содом и что в таком случае Гоморра?»

Но, подчеркивает Сурков, 1990-е годы ни в коей мере не следует считать потерянными для России. Тогда была сделана «масса позитивного», в тогдашних «извращенных условиях» осваивались новые социальные практики, люди учились работать в рыночной экономике, привыкали к выборам. И одно из самых важных достижений, по его оценке, то, что «в такой достаточно зоологический период нашего развития к ведущим позициям пробилась по-настоящему активные, стойкие, целеустремленные и сильные люди, материал для формирования нового ведущего слоя нации».

Да, Россия могла не пережить период 1990-х, могла рухнуть вслед за Союзом. Два таких кризиса подряд – это огромное историческое испытание. Но пережила. Теперь можно говорить: то время не должно вернуться, и оно не вернется, но оно действительно не было потерянным. Как у Ницше: «То, что нас не убивает, делает нас сильнее».

5

Целый раздел лекции Суркова посвящен мероприятиям путинского режима, направленным на стабилизацию ситуации в стране и наведение элементарного порядка. Останавливаясь на этом я не буду, отмечу только два общих принципа, которыми, по словам Суркова, руководствуется власть. Первый можно назвать «принципом опоры на большинство». «Как известно, главный принцип демократического общества – оно устроено и основывается на мнении большинства», про режим 1990-х никак нельзя было сказать, что он выражает мнение большинства населения, а политика Путина пользуется поддержкой большинства. Второй – «принцип легализма». Он сформулирован так: «Выполняйте то, что здесь написано, вот Конституция, там написано „это“, выполняйте „это“». Например, если конституционно прописан принцип разделения властей, то значит, главам регионов нечего делать в палате парламента. Если частный медиа-холдинг набрал долгов, то его владелец должен их вернуть или отдать кредитору свой бизнес, а не вопить об «угрозе свободе слова» и т. д. Сурков убеждает, что в итоге все получается очень демократично и уж во всяком случае демократичнее, чем было в 1990-е годы.

Конечно, можно много спорить о структуре путинского рейтинга, о конституционности тех или иных реформ, об их реальном политическом содержании. Очень интересные споры получаются. Но все они в данном случае вторичны. С точки зрения теории демократии, оба этих принципа практически безупречны. Пусть кто-нибудь попробует доказать, что при демократии должно править меньшинство или, тем более, что из Конституции следует право Гусинского не платить долги.

6

Переходя к настоящему и будущему, Сурков сказал, что политика Путина «очень ясна», желающему ее понять достаточно обратиться к посланиям президента и его выступлениям. Однако, тем не менее, он счел необходимым дать подробные разъяснения: что есть «суверенная демократия», «энергетическая сверхдержава» и т. д. **Тезисы у него изложены достаточно последовательно, их можно свести к следующей цепочке.**

1. Россия должна быть страной процветающей, а значит, демократической и суверенной.

2. Демократия необходима, поскольку, во-первых, «только общество, основанное на соревновании и сотрудничестве свободных людей, может быть эффективным и конкурентоспособным»; во-вторых, «если мы не будем открытым демократическим обществом, если мы не будем широко интегрироваться в мировую экономику, в мировую систему знаний, то мы не получим доступа к современным технологиям Запада, без которых (...) модернизация России невозможна»; в-третьих, в демократическом обществе жить комфортнее, чем в недемократическом. Демократизация немыслима без развития институтов гражданского общества: партий, местного самоуправления, общественных организаций. И действующая власть старается делать в этом направлении все, что в данный момент возможно и необходимо.

3. Враг демократии – коррупция. Она сейчас пронизывает все системы нашего социального организма. С ней боролись, борются и будут бороться. Но нельзя верить тем, кто утверждает, что Россия коррумпирована в значительно большей степени, чем большинство других стран мира. «Нам пытаются вдолбить это в голову, чтобы дискредитировать власть и внушить нам, что мы люди, мало способные к цивилизованной жизни».

4. Враг демократии – бедность. Если мы не снизим всерьез уровень бедности в нашей стране, то наше общество не сможет быть устойчивым. Борьба с бедностью предполагает обуздание коррупции, сокращение лазеек, позволяющих уклоняться от уплаты налогов, а главное – «более справедливое распределение национального продукта» (последний тезис Сурков, увы, не расшифровал. – В.И.).

5. Суверенитет необходим, поскольку современный мир – глобальный мир, а выгоды от глобализации распределяются неравномерно, и «когда нам говорят, что суверенитет – вещь устаревшая, как и национальное государство, мы должны все-таки задуматься, а не разводят ли нас». Поэтому, во-первых, защищать и укреплять свой суверенитет любому государству «просто выгодно», в противном случае его «разденут до последних ботинок». Во-вторых, только тот, кто отстаивает свое право на самостоятельное развитие, может быть конкурентоспособным, поэтому «суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности». В-третьих, «русские, россияне, уже 500 лет являются государствообразующим народом, мы нация, привыкшая к государственности». Можно добавить – привыкшая к суверенитету. В отличие от каких-нибудь прибалтов, которые, едва рухнул СССР, принялись искать себе новую метрополию, нового хозяина. «Я не представляю себе русских, россиян, которые думают так же: „Сейчас мы в ком-то растворимся, к кому-то убежим, и там уж нас облакают, обогреют и будут нами руководить“».

6. Защищать и укреплять свой суверенитет Россия может, только будучи в числе государств, которые принимают ключевые решения по вопросам организации мирового порядка, то есть в числе держав. Самоизоляция на радость некоторым «патриотам» или внешнеполитическое самооскопление на радость либералам страна не может себе позволить. Во-первых, наше геополитическое положение таково, что, если даже мы захотим в своем доме тихо сидеть, «к нам все равно придут и спать нам не дадут». Во-вторых, уход

России из глобальной политики, отказ от попыток влиять на ключевые решения приведет к тому, что эти решения будут приниматься ей в ущерб.

7. При этом следует помнить, что тот же статус постоянного члена Совбеза ООН достался России в наследство от СССР. А председательство в G8 представляет собой аванс, который выдали, «чтобы нас из виду не упустить». И мы живем между наследством и авансом. **Нынешние поколения не могут похвастаться ни одним крупным экономическим или социальным достижением.** «Пока мы не заработали реально, сами, своим трудом статус ведущей мировой державы».

8. **Главные угрозы российскому суверенитету** – международный терроризм; угроза военного столкновения (гипотетическая, к счастью); неконкурентоспособность экономики; мягкое поглощение по современным «оранжевым технологиям» при снижении национального иммунитета к внешним воздействиям.

9. **«Основа суверенитета»** – армия и военно-морской флот и, безусловно, ядерные силы.

10. «Экономический рост у нас большой, довольно впечатляющий, но... надо вспомнить, от какого уровня мы растем, и не особо зазнаваться. **Структурная перестройка экономики чудовищно затянулась, и рано или поздно эта проблема, плавно ли, жестко ли, но даст о себе знать.** И огромные государственные расходы, и неэффективная бюджетная сфера, и слабое развитие передовых отраслей экономики – это проблемы. Адепты „либерального мракобесия“ предлагают просто все либерализовать до крайней степени, и само все вроде как образуется...» Ничего этого не будет. Еще часто призывают делать ставку на высокие технологии и тому подобное, как-то забывая пояснить, грубо говоря, откуда они возьмутся. Экономическая политика будет основываться на использовании тех ресурсов и развитии тех конкурентных преимуществ, которые уже есть. «Потому что, если у вас сильные ноги, вам лучше прыгать в длину, а не в шахматы играть. А если у вас большая голова, то, может, лучше и в шахматы играть».

11. ТЭК дает львиную долю национального продукта. Отсюда концепция «Россия – энергетическая держава». Речь ни в коей мере не идет о том, что надо быть и оставаться «сырьевым придатком». Задача в том, чтобы, **максимально используя наши возможности, развить их и качественно улучшить наш ТЭК**, причем не только путем закупки оборудования на Западе. Для начала мы должны научиться добывать нефть и газ более современными способами. Ведь, к примеру, наши нефтяники не умеют работать на шельфе. «Нам нужны знания! Нам нужны новые технологии!»

12. **В некоторых отраслях ради сохранения суверенитета необходимо преимущественное влияние национального капитала.** Национальный – не обязательно государственный. ТЭК, стратегические коммуникации, финансовая система, оборонная промышленность должны быть преимущественно российскими. Остальные отрасли нужно открывать по максимуму для зарубежных инвестиций, для глубокой модернизации. «Мы должны стремиться к участию в глобальной экономике в составе новых мультинациональных корпораций. Именно многонациональных, а не транс-, сверх-, над- и вненациональных. Экономическое будущее не в исчезновении великих наций, а в их сотрудничестве».

Я не могу не согласиться с большинством сказанного. И не отдать должное последовательности Суркова – он не обошел практически ни одного важного вопроса, кроме, пожалуй, будущего социальной сферы (пенсионная система, образование, здравоохранение) и всеми забытой административной реформы. Конечно, хотелось бы еще более жестких формулировок, более правых и откровенно этатистских. Хотелось бы услышать слова о порядке, без которого невозможна демократия. И мне представляется целесообразным акцентировать больше внимания на ядерной составляющей российской державности. «Энергетиче-

ская держава» звучит хорошо, но «ядерно-энергетическая сверхдержава» – лучше. Тем более что Россия по факту именно «ядерно-энергетическая сверхдержава». Это тот случай, когда кашу маслом не испортишь.

7

Часть лекции посвящена оранжевой угрозе и борьбе с нею посредством формирования «национально ориентированного ведущего слоя общества», то есть переформатирования элиты. Очевидно, что эти темы наиболее важны и для Суркова-чиновника, и для Суркова-идеолога.

Он прямо объявил: наши западные друзья вполне могут попытаться организовать здесь оранжевую революцию, потому что, «если у них это получилось в четырех странах, почему бы это не сделать и в пятой?». И эти попытки явно не ограничатся избирательным циклом 2007–2008 годов.

Несколько упрощая картину, Сурков делит современную российскую элиту на «офшорную аристократию» и «полусоветскую, полукомпетентную, привыкшую к поражениям бюрократию». На самом деле можно еще больше упростить, ведь никакой четкой грани между бизнесменами и бюрократами нет. Среди первых полно бывших чиновников или тех, кто при первой возможности приобретает госдолжности для себя или своих людей, а вторые нередко владеют компаниями, активно занимаются предпринимательством. И счета в офшорных банках есть у тех и у других.

Но вернемся к схеме Суркова. Проблема «офшорной аристократии» состоит в том, что она не связывает свое будущее и будущее своих детей с Россией, чужда ей, боится ее. Но они не какие-то монстры, не враги, «все эти графы Бермудские и князья острова Мэн – наши граждане, у которых есть масса причин так себя вести». В первую очередь они боятся за свою собственность, которую никто, даже, по большому счету, и они сами не считают легитимной. По мнению Суркова, ключ к их преобразению в «национальную буржуазию» – в легитимации частной собственности и в целом в «нормализации отношений между богатыми и не очень богатыми людьми». Прямо это не сказано, но ясно следует из его слов: государство, точнее стоящая у власти группа, выступает и готово дальше выступать посредником в процессе «нормализации» и легитимации (здесь главный фактор – время, чем больше пройдет времени, тем больше все привыкнут. – *В.И.*), защитником бизнеса от левых реваншистов и прочих поклонников массовой национализации, от тех, кто предлагает всякие идиотские меры вроде «единовременного налога на приватизацию» и т. п. В свою очередь от бизнеса ждут лояльности, как власти, так и народу, который власть поддерживает, в том числе в форме социальной ответственности, благотворительности, законопослушания.

О трансформации нынешней бюрократии в «эффективное, конкурентоспособное сообщество государственных служащих» сказано крайне мало. По сути только то, что она должна быть проведена, иначе будет плохо. Кстати, Путин в прошлогоднем послании поименовал бюрократию «надменной кастой», но тоже не назвал ни одной конкретной меры по ее «перевоспитанию», только прописал ей «учиться разговаривать с обществом не на командном жаргоне, а на современном языке сотрудничества, языке общественной заинтересованности, диалога и реальной демократии». В дальнейшем Путину или Суркову придется подробнее высказаться по «бюрократическому вопросу».

В контексте не просто «переформатирования» элиты, а уже самого ее воспроизводства Сурков затронул важнейшую проблематику образования и культуры. Лично мне особенно понравилась оценка нашей системы высшего образования, которое действительно уже давно не лучшее в мире. И действительно, «у нас же в некоторые вузы зайдешь – там такое услышишь на лекциях о России, там какие-то просто, с позволения сказать, неправительственные

организации, а не преподаватели работают, которые, кажется, вот только что деньги пошли из какого-нибудь посольства взяли». По-моему, никто из российских руководителей еще не ставил так остро вопрос о недостаточно патриотическом и нередко откровенно антироссийском содержании учебных программ по гуманитарным предметам и прямой связи этого с активностью зарубежных структур.

Между тем масштабы подобной мерзости превосходят все допустимые пределы, ложь и клевета на Россию, наш народ и нашу историю льются потоком. И не только в университетах, но и в школах. Про «историческое» кино и телесериалы можно ничего не говорить. Бесспорно, в 1990-е все было намного хуже. Но «патриотизация» шла и идет стихийно, опираясь в основном на энтузиазм частных лиц и патриотических сообществ, единая и, главное, адекватная государственная политика в этом направлении не проводится. Может быть, слова Суркова означают, что теперь хоть как-то возьмутся?

Главный борец с «партией революции», с противниками преемственности режима не мог отдельно не высказаться о своих подопечных.

Сурков не употребляет само понятие «партия революции» (как и «партия стабильности»), он вообще считает, что у режима два врага – «партия олигархического реванша», которая хочет, чтобы Россия сделала шаг назад, обратно к соревновательной олигархии 1990-х, и «партия двух шагов назад» – поклонники лозунга «Россия для русских!», национал-изоляционисты.

Мне представляется, что это все-таки одна «партия», верхушка которой состоит из бывших олигархов, отставных (и оттого озлобленных и «одичавших») чиновников и потерявших статус и доходы политических дельцов. Они хотят как минимум свести счеты с Путиным и его людьми, как максимум – действительно реставрировать порядки прошлого десятилетия, пусть с каким-то upgrade'ом. Эти деятели, как правило, выжжены цинизмом и совершенно «неидеологичны», им что либерализм, что коммунизм, что нацизм... Лишь партийные боссы связаны как-то своим публичным позиционированием (как «левые», «либералы», «патриоты»), к которому привыкли партактивы и избиратели. На среднем уровне «партии» находятся интеллектуальная обслуга верхушки, партийные и корпоративные «орги», политконсультанты, лидеры оппозиционных общественных организаций. Среди них есть как идейные, так и чистые наемники. А на низшем – активисты партий и организаций, беспартийные активисты, которые в массе, как правило, действительно «идеологические люди». Объединяет их всех одно – ненависть к действующему режиму. Никакой общей позитивной программы для среднего и низшего уровня «партии революции» нет и быть не может, в лучшем случае – набор лозунгов «за все хорошее и против всего плохого». Одни мечтают о «русской Голландии», другие о «православном Иране», третьи об «СССР-2».

Естественно, обычный рядовой левак никогда не станет бороться за освобождение Ходорковского из тюрьмы, а рядовой «национал-изоляционист» – за право Березовского вернуться в Россию. Но их могут пользоваться и пользуются, покупая с потрохами их «вождей». Большинство протестных акций, которые проходят в стране, проплачиваются. Я не имею в виду, что всегда платят участникам, искренних недовольных хватает, но у организаторов почти всегда есть «бюджет». Однако стянуть все силы в кулак верхушка «революционеров» не может, поскольку и ссор внутри нее хватает, и те же партбоссы боятся шокировать своих людей призывами брататься с давними оппонентами (родинцам с либералами из СПС, например), и Кремль сложа руки не сидит...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.